

Амелия Роуз

Западная Звезда Фреймора

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амелия Роуз

Западная Звезда Фреймора

«Автор»

2026

Роуз А.

Западная Звезда Фреймора / А. Роуз — «Автор», 2026

В главе король, вернувшийся с битвы с тьмой, впервые приглашает принца Фреймора на совет и объявляет: тот станет королём — но лишь после брака с принцессой Западного королевства. Союз должен укрепить позиции Южного королевства перед новой угрозой. Фреймор, до этого живший тренировками и магией, сталкивается с тяжёлым выбором: в нём борются растерянность, обида и смутное предвкусение. Дав клятву не подвести королевство, он делает первый шаг на пути к трону

© Роуз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Амелия Роуз

Западная Звезда Фреймора

Глава 1

Сегодня старый король вернулся с большой битвы — тьма подходила к границам Южного королевства. Первым делом он собрал совет, и впервые на него пригласили принца Фреймора, который до этого дня только и делал, что тренировался в бою на мечах и практиковал магию огня. «Зачем же отец меня пригласил? Неужели он возьмёт меня на войну?» — задавался вопросом принц. В зале совета собрались главный чародей, генерал Фрейренд, герцог из Западного королевства и посол. Для чего они здесь? Фреймор замер у высоких резных дверей, вдыхая тяжёлый запах воска и старого дерева — в зале совета всегда пахло так, будто время здесь застыло, не желая двигаться вперёд. Его пальцы невольно сжались в кулак: он привык чувствовать в руке рукоять меча, а не пустоту коридора. Взгляд скользнул по лицам собравшихся — строгие, усталые, с печатью долгих ночей и решений, которые нельзя отменить. Старый король стоял у огромного дубового стола, опираясь на резной посох. Лицо его было изборождено морщинами, а в глазах читалась такая тяжесть, какой Фреймор никогда прежде не видел. Даже после самых жестоких сражений отец смотрел на мир с упрямой ясностью, а сейчас в его взгляде сквозила усталость, смешанная с решимостью. — Фреймор, — голос короля прозвучал негромко, но в тишине зала каждое слово отдалось эхом, словно удар колокола. — Подойди ближе. Сегодня ты не просто мой сын. Сегодня ты — наследник Южного королевства, и час твоего испытания настал. Принц сделал шаг вперёд, чувствуя, как пол будто уходит из-под ног. Он ожидал услышать о новых отрядах, о разведке на северных границах, о подготовке к следующей битве... но не это. Главный чародей, седой и суровый, склонил голову, будто подтверждая неизбежность сказанного. Генерал Фрейренд, чьи доспехи ещё хранили следы недавней битвы, смотрел на принца с нескрываемой гордостью и одновременно с тревогой. А рядом с ними, невозмутимый и холодный, сидел герцог из Западного королевства — его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение. Король медленно обвёл взглядом собравшихся, словно давая каждому шанс возразить, но тишина была ответом. — Тьма отступила, но она не побеждена, — продолжил король, и голос его окреп, наполняясь прежней стальной твёрдостью. — Она затаилась, копит силы, и мы знаем: следующий удар будет страшнее прежнего. Чтобы выстоять, Южное королевство должно стать сильнее. Нам нужен союз, который скрепит не только клятвами, но и кровью. Фреймор почувствовал, как внутри всё сжалось. Он уже догадывался, к чему ведёт отец, но до последнего надеялся, что ошибается.

— Ты станешь королём, Фреймор, — слова короля прозвучали как приговор и как благословение одновременно, — но лишь тогда, когда свяжешь свою судьбу с принцессой Западного королевства. Брак станет залогом нашего союза. Герцог уже дал согласие. Принцесса готова. В зале повисла тишина, густая и тяжёлая, как предгрозовое небо. Фреймор смотрел на отца, пытаясь прочесть в его лице хоть намёк на сомнение, хоть искру надежды на то, что это не всерьёз. Но король держался прямо, не отводя взгляда, и в этом была вся его воля — воля правителя, который ставит судьбу королевства выше отцовского сердца. Герцог едва заметно кивнул, будто скрепляя договор одним движением. Посол из Западного королевства слегка поклонился, а чародей тихо пробормотал что-то о звёздах и знамениях, словно пытаясь придать происходящему оттенок судьбы, а не холодного расчёта. Фреймор сглотнул, чувствуя, как в груди разрастается вихрь противоречивых чувств — обида, гнев, растерянность... и где-то глубоко внутри — странное, едва уловимое предвкушение. Он не знал ни этой принцессы, ни

её мыслей, ни её сердца. Но он знал одно: его жизнь только что изменилась навсегда. — Когда? — голос принца прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха. — Когда должен состояться брак? Король чуть опустил плечи, и на мгновение в его глазах мелькнула тень отцовской нежности. — Через три луны. У тебя будет время подготовиться. И время узнать ту, с кем тебе предстоит разделить трон.

Фреймор кивнул, стараясь не выдать бурю, бушевавшую внутри. Он чувствовал на себе взгляды всех присутствующих — как будто каждый из них уже видел его коронованным, уже судил его, уже ждал от него поступков, достойных короля. А он всё ещё оставался тем самым юношей, который только вчера тренировался во дворе, оттачивая удары и укрощая пламя в ладонях. Но теперь огонь должен был гореть не только в его руках — он должен был пылать в его решениях, в его сердце, в его судьбе. — Я не подведу вас, — произнёс Фреймор, и в этих словах прозвучала не просто клятва, а обещание самому себе. Король едва заметно улыбнулся — впервые за долгие дни. — Я знаю, сын. Иначе бы я не позвал тебя сюда. В тот же день принц с охраной и посол Западного королевства отправились на встречу. Дорога была долгой. О чём только не думал принц в это время! Как он может полюбить ту, которую даже не знает? Внутри он не мог смириться с таким решением, но не мог подвести отца. И вот Фреймор въезжает под каменные своды Западного королевства. Тяжёлые дубовые ворота медленно закрываются за его отрядом, отсекая шум дороги. Воздух здесь иной — густой от запаха цветущих лип и прохлады, идущей от древних стен. На верхней галерее, над парадными ступенями, уже стоят король Эралинон и принцесса ЛиаЭра. Эралинон, высокий и статный, в тёмнозелёном плаще с золотой брошью в виде дубового листа, делает шаг вперёд. Его голос звучит ровно, но в нём слышится скрытое напряжение — союз с южными землями, откуда прибыл Фреймор, может либо укрепить, либо расколоть хрупкое равновесие королевства. — Добро пожаловать, принц Фреймор, — произносит король, слегка наклоняя голову. — Мы ждали вас. Пусть этот союз станет залогом мира для наших народов. Фреймор поднимает взгляд — и на мгновение забывает о речах, о долге, о цели своего приезда. Перед ним стоит не просто принцесса, а словно ожившее видение: её платье мерцает, как рассвет над морем, а в глазах — спокойная уверенность, не свойственная столь юным. Он склоняется в почтительном поклоне, стараясь скрыть лёгкое волнение. — Ваше величество, — тихо говорит он, выпрямляясь. — Для меня честь ступить на землю Западного королевства и увидеть его светлейшую наследницу. ЛиаЭра едва заметно улыбается — не придворной, холодной улыбкой, а той, что рождается от искреннего интереса. — Говорят, на юге звёзды поют иначе, — произносит она, чуть наклоняя голову. — Расскажите мне, принц, как звучит небо над вашими землями. Фреймор на секунду замирает: никто не спрашивал его о звёздах. Обычно говорили о договорах, границах, пошлинах. А эта девушка смотрит так, будто хочет услышать не отчёт, а правду. Король Эралинон одобрительно кивает, видя, что лёд между гостями и хозяевами начинает таять. — Пусть сегодня будет вечер без политики, — решает он. — Пусть будет музыка, свет и разговоры о звёздах. А завтра мы обсудим дела. И пока слуги распахивают высокие двери, а факелы вспыхивают вдоль галереи, Фреймор и ЛиаЭра обмениваются ещё одним взглядом — коротким, но обещающим, что эта встреча изменит не только судьбы двух королевств, но и их собственные сердца. Зал Западного королевства утопал в свете сотен свечей и гирлянд из душистых белых цветов. Музыканты тихо перебирали струны лютен, и мелодия плыла под высокими сводами, словно туман над озером. ЛиаЭра стояла у резных перил галереи, наблюдая, как внизу собираются придворные. Сегодня она не чувствовала себя просто наследницей — сегодня она была хозяйкой этого вечера, и от её слов, её взглядов зависело, как сложится союз с южными землями. Фреймор держался чуть в стороне от шумных групп вельмож. Он не любил пустых разговоров и искал того, ради чего стоило приехать. Его взгляд скользил по залу, пока не остановился на фигуре у перил. ЛиаЭра стояла вполоборота, и свет играл на её платье, превращая ткань в жидкое серебро. Принц сделал несколько шагов вперёд, но остановился, не решаясь

нарушить её уединение. Лёгкая полупрозрачная накидка струилась вслед за её движениями. Голову венчала изящная золотая корона с крупными розово-пурпурными камнями; в тон ей — миниатюрные серьги. Тёплый свет заката окутывал фигуру золотистым сиянием, а размытый пейзаж холмов и неба создавал атмосферу волшебства и предвкушения чего-то важного. Фреймор хотел было ответить, но в этот миг снизу, от подножия лестницы, раздался звучный голос церемониймейстера: — Принц Фреймор, лордканцлер просит уделить ему несколько минут для обсуждения расписания завтрашних переговоров. ЛиаЭра едва заметно нахмурилась. Она знала этот тон: сухой, деловой, не терпящий возражений. Канцлер всегда появлялся именно тогда, когда в воздухе начинала витать не политика, а что-то живое. Фреймор на секунду замер, будто разрываясь между долгом и желанием остаться здесь, на этой тихой галерее, где даже тишина была другой — мягкой, тёплой, почти доверительной. Он медленно обернулся, взглянул вниз на церемониймейстера и спокойно, но твёрдо произнёс: — Передайте лордканцлеру, что я подойду через четверть часа. Сейчас я — гость, а не переговорщик. Церемониймейстер на мгновение растерялся — не каждый осмеливался так мягко, но непреклонно отодвинуть государственные дела. Кивнув, он отступил, растворяясь в толпе. ЛиаЭра тихо рассмеялась — не громко, чтобы не нарушить хрупкую тишину, но искренне. — Вы только что нарушили все правила этикета Западного королевства. Обычно никто не смеет откладывать встречу с канцлером. — Значит, я запомнюсь, — чуть улыбнулся Фреймор. — Или меня сочтут дерзким. — Или тем, кто умеет отличать важное от срочного, — тихо добавила ЛиаЭра, снова поворачиваясь к залу. — Отец часто говорит, что самые важные решения рождаются не за столом переговоров, а в разговорах, которые никто не записывает. Фреймор опёрся ладонью о резные перила, не сводя взгляда с танцующих огоньков свечей, отражающихся в полированном камне. — На юге, когда над степями поднимается буря, звёзды гаснут одна за другой, — произнёс он, будто пробуя слова на вкус. — Но именно в эти минуты небо кажется ближе. Будто можно дотянуться рукой и спросить у него: «Что будет дальше?» ЛиаЭра слушала, не перебивая, и в её взгляде не было ни скуки, ни вежливого интереса — только настоящее внимание. — А у нас, — тихо сказала она, — звёзды всегда кажутся слишком далёкими. Как будто они наблюдают, но никогда не отвечают. Иногда мне хочется просто уйти туда, где небо не напоминает о долге. Фреймор чуть наклонил голову, словно пытаясь прочесть между строк. — И куда бы вы пошли? — Туда, где никто не знает, что я наследница, — призналась она, чуть опустив ресницы. — Где можно просто смотреть на звёзды и не думать, что каждое моё слово — часть договора. Он кивнул, будто понял не только слова, но и то, что осталось невысказанным. — Тогда, возможно, нам стоит найти такое место. Хоть на один вечер. Внизу, у колонн, две придворные дамы склонились друг к другу, прикрываясь веерами. Одна из них, леди Мираэль, прищурилась, глядя на галерею. — Смотри, как он на неё смотрит... Совсем не как на будущую союзницу. — А она не отводит глаз, — прошептала вторая. — Это уже не дипломатия. Это... опасно. Их шёпот растворился в музыке, но ЛиаЭра вдруг вздрогнула, будто почувствовала этот холодный ветерок сплетен. Она чуть поёжилась и крепче прижала к себе лёгкую накидку. Фреймор сразу заметил это движение. — Вам холодно? — спросил он, готовясь снять плащ. — Нет, — быстро ответила она, но потом, смягчившись, добавила: — Просто иногда кажется, что за нами наблюдают даже стены. — Пусть наблюдают, — спокойно сказал он. — Но слышать нас они не смогут. Она улыбнулась — на этот раз чуть шире, свободнее, будто сбросила с плеч невидимую тяжесть. — Знаете, — вдруг сказала ЛиаЭра, чуть наклонив голову, — в саду за галереей есть маленькая калитка, которая ведёт к старой обсерватории. Её почти никто не посещает. Там звёзды... ближе. Фреймор едва заметно улыбнулся. — Если вы поведёте, я пойду. — Но нас могут увидеть, — предупредила она, хотя в её голосе не было страха, скорее азарт. — Тогда мы будем идти так, чтобы нас видели только звёзды, — тихо ответил он. Они обменялись взглядами — коротким, но полным смысла. И в тот момент, когда музыканты сменили мелодию на более лёгкую, ЛиаЭра кивнула в сторону узкой боковой двери, скрытой

за тяжёлой портьерой. — За мной, — прошептала она, скользнув в тень. И Фреймор, не раздумывая, последовал за ней. Они скользнули в тень за портьерой, и шум зала мгновенно стих, будто остался по ту сторону невидимой завесы. Узкий коридор пах старым камнем и лавандой — здесь редко ходили придворные, и тишина звучала иначе: не торжественно, а подомашнему, уютно. ЛиаЭра шла впереди, легко касаясь ладонью шершавой стены, словно проверяя, что мир всё ещё на месте. Фреймор следовал за ней, стараясь ступать бесшумно, хотя внутри всё гудело от непривычной смелости: он только что открыто пошёл против дворцового этикета, и теперь каждый его шаг казался вызовом не только правилам, но и собственной судьбе. — Здесь все коридоры ведут куда-то, — тихо сказала ЛиаЭра, будто отвечая на его мысли. — Но этот — особый. Он не соединяет комнаты. Он соединяет мгновения. Фреймор чуть приподнял бровь: — Мгновения? Принцесса улыбнулась, не оборачиваясь: — Да. Те, когда никто не смотрит. Те, когда можно быть не наследницей и не принцем, а просто... собой. Они миновали низкую арку, и коридор резко сузился, уводя вниз по узкой винтовой лестнице. Ступени были стёрты посередине — видимо, кто-то ходил здесь часто. Внизу тянулся ещё один проход, терявшийся во тьме, но ЛиаЭра уверенно свернула в боковой проём, и перед ними распахнулась маленькая круглая дверь с кованой ручкой в форме полумесяца. Она толкнула её, и в лицо им ударил прохладный ночной воздух, пахнувший мокрой травой и далёким морем. Они оказались в саду, укрытом от глаз высокой живой изгородью. А чуть дальше, на невысоком холме, белела старая обсерватория — её купол был приоткрыт, словно она прислушивалась к небу. ЛиаЭра вздохнула, будто сбросила с плеч невидимую мантию долга, и подняла лицо к звёздам. — Вот здесь они ближе. Здесь никто не шепчет о союзах и границах. Здесь только небо и тишина. Фреймор остановился рядом, чувствуя, как напряжение, копившееся в нём с момента королевского объявления, понемногу тает, уступая место чему-то новому — любопытству, лёгкости, странному ощущению свободы. Он посмотрел на ЛиаЭру: в свете звёзд её глаза казались почти прозрачными, а серебристые локоны ловили отблески ночного света, будто были сотканы из лунного сияния. — Ты часто сюда приходишь? — спросил он тихо. — Когда становится слишком громко внутри, — призналась она, чуть пожав плечами. — Здесь тишина настоящая. Она не давит, а обнимает. Он улыбнулся уголком губ: — На юге у нас говорят, что тишина — это язык богов. Если умеешь слушать, они шепчут тебе правду. ЛиаЭра склонила голову, будто прислушиваясь не к ветру, а к его словам: — А что они шептали тебе сегодня? Фреймор на мгновение задумался. Перед глазами всплыли слова отца: «Ты станешь королём... когда свяжешь свою судьбу...» Но здесь, под этим небом, фраза звучала не как приговор, а как обещание — тяжёлое, но не лишённое смысла. — Они шептали, что путь не всегда прямой, — наконец произнёс он. — Что иногда нужно сойти с дороги, чтобы увидеть, куда она ведёт. Принцесса кивнула, словно услышала именно то, что хотела: — Тогда давай посмотрим на звёзды. Не как наследники, а как те, кто просто хочет знать: есть ли там ответы. Они поднялись по каменным ступеням к входу в обсерваторию. Внутри пахло пылью, деревом и старой бумагой — видимо, здесь когда-то работал астроном. В центре стоял большой телескоп, потемневший от времени, а на полках теснились свитки и стеклянные сферы, в которых, казалось, застыли крошечные созвездия. ЛиаЭра подошла к телескопу и осторожно провела пальцами по медной трубе. — Его настраивал мой дед. Он говорил, что звёзды — это письма, которые небо пишет для тех, кто умеет читать. Фреймор приблизился и встал рядом, не слишком близко, но так, чтобы чувствовать её присутствие — тёплое, живое, настоящее. — И что же они пишут? Она чуть улыбнулась, наклоняясь к окуляру: — Сегодня они пишут: «Не торопись становиться тем, кем тебя хотят видеть. Сначала стань тем, кто может это вынести». Он замер, услышав в этих словах отголосок собственных страхов. Ему предстояло стать королём, принять союз, взять на себя тяжесть целого королевства — и он не знал, готов ли. Но здесь, рядом с этой девушкой, которая смотрела на небо не как на карту владений, а как на тайну, ему вдруг стало легче дышать. — Знаешь, — тихо сказал он, глядя не в телескоп, а на её профиль, подсвеченный звёздным

светом, — я всю жизнь учился держать меч и укрощать огонь. Меня учили быть сильным, решительным, бесстрашным. Но никто не учил меня быть... мужем. И королём, который помнит, каково это — просто стоять и смотреть на звёзды. ЛиаЭра выпрямилась и посмотрела на него — не с жалостью, не с сочувствием, а с пониманием, от которого внутри становилось теплее. — Может быть, именно поэтому нам и дали эти три луны, — сказала она мягко. — Чтобы мы успели научиться слышать друг друга. Потому что союз — это не только клятвы и договоры. Это когда двое смотрят на одно небо и видят в нём не границы, а путь. Фреймор кивнул, чувствуя, как в груди разгорается не пламя магии, а что-то другое — тихое, но крепкое, как первый луч рассвета. — Я хочу научиться этому, — прошептал он. — Научиться видеть путь, а не только стены. В этот момент где-то в глубине дворца часы пробили полночь, и звук, приглушённый расстоянием, прозвучал как тихий набат, напоминающий, что их уединение не бесконечно. ЛиаЭра вздрогнула, будто возвращаясь из мира звёзд в мир обязанностей. — Нам нужно вернуться, — сказала она, но без спешки, скорее с сожалением. — Если нас долго не будет, начнутся разговоры. А разговоры умеют превращать тишину в оружие. Фреймор протянул руку, не касаясь, но предлагая опору: — Тогда вернёмся. Но не как чужие люди, которым навязали союз. А как те, кто сделал первый шаг навстречу. Она вложила ладонь в его руку — лёгкую, тёплую, уверенную — и они вместе пошли обратно, мимо старой обсерватории, мимо сада, по узким коридорам, где тишина всё ещё хранила их тайну. И хотя впереди их ждали переговоры, взгляды придворных и тяжесть королевских решений, сейчас, в эти минуты, они знали: между ними уже что-то родилось. Что-то, что не вписать в договоры, но что может стать крепче любой клятвы. Они шли обратно тем же путём — по узким коридорам, где тишина всё ещё хранила их разговор, словно бережно удерживала каждое сказанное слово. ЛиаЭра чуть замедлила шаг у низкой арки, будто хотела удержать этот миг чуть дольше, а Фреймор незаметно подстроился под её ритм, не торопя, не нарушая хрупкого равновесия между долгом и свободой. — Знаешь, — тихо произнесла она, не поднимая глаз, а глядя на тень, ползущую по стене, — когда я была маленькой, я думала, что короны делают людей невидимыми для страха. Что стоит надеть её — и ты уже ничего не боишься. А потом поняла: корона не убивает страх. Она просто обязывает идти вперёд, даже когда страшно. Фреймор чуть склонил голову, прислушиваясь не только к словам, но и к тому, как они ложатся в тишину. — На юге говорят: «Огонь не боится темноты, потому что сам её освещает». Я столько лет учился быть этим огнём. Но сегодня я впервые подумал: а вдруг главное не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы рядом был кто-то, с кем темнота уже не кажется такой густой? ЛиаЭра остановилась и посмотрела на него — не как на принца, не как на будущего мужа, а как на человека, который только что признался в чём-то настоящем. В её взгляде мелькнуло облегчение — будто она услышала то, что боялась не услышать никогда. — Тогда, может быть, мы будем учиться этому вместе, — сказала она мягко. — Не быть бесстрашными. А быть теми, кто идёт вперёд, держась за руку. Даже если пальцы дрожат. Он улыбнулся — не широко, но искренне, и в этой улыбке было больше клятвы, чем в любых дворцовых речах. — Я согласен. Они снова двинулись вперёд, и как раз в тот момент, когда коридор вывел их к боковой галерее, откуда уже доносились приглушённые голоса придворных, изза поворота бесшумно выступил лордканцлер — высокий, сухощавый, с лицом, будто высеченным из камня. Рядом с ним замер церемониймейстер, нервно теребя край мантии. Канцлер окинул их взглядом, в котором смешались недовольство и холодная расчётливость. — Ваше высочество, — обратился он к ЛиаЭре, едва склонив голову, — вас ожидают. Совет уже собрался, и король желает услышать ваше мнение по вопросу торговых путей. А вы, принц Фреймор, — он перевёл взгляд на Фреймора, — должны ознакомиться с проектом договора о союзе. Время не ждёт. ЛиаЭра выпрямилась, и в ней мгновенно проступила наследница Западного королевства — спокойная, собранная, готовая принять на себя тяжесть решений. Но прежде чем она успела ответить, Фреймор мягко шагнул вперёд, не перекрывая ей путь, но словно становясь рядом, плечом к плечу.

— Время ждёт, — спокойно произнёс он, глядя канцлеру прямо в глаза. — Оно ждало веками, пока тьма подбиралась к нашим границам. Подождёт ещё четверть часа. Сейчас принцесса и я возвращаемся не как стороны договора. Мы возвращаемся как те, кто только что нашёл общий язык. И этот язык стоит беречь не меньше, чем границы наших земель. Канцлер на мгновение замер, будто столкнулся с чемто, чего не было в его протоколах и расписаниях. Его губы чуть сжались, но он не стал спорить — лишь коротко кивнул, признавая правоту, пусть и неохотно. — Четверть часа, — произнёс он сдержанно. — Но не больше. Как только канцлер и церемониймейстер удалились, ЛиаЭра тихо выдохнула, будто только сейчас позволила себе сбросить невидимую тяжесть. — Ты опять нарушил этикет, — прошептала она с лёгкой улыбкой, но в её голосе звучало не упрёк, а благодарность. — Зато теперь они запомнят не только мои титулы, — чуть пожал плечами Фреймор. — Пусть запомнят, что я умею защищать не только мечом. Она кивнула, и в этом кивке было столько понимания, что ему вдруг стало легче дышать — словно он нашёл в этом чужом дворце, среди чужих правил и холодных взглядов, единственного человека, который видит его настоящего. — Пойдём, — сказала ЛиаЭра, чуть приподняв подбородок, но в её глазах ещё теплился отсвет обсерватории и звёзд. — Нас ждут. Но теперь я знаю: даже если зал будет полон советников, я смогу вспомнить, как небо шепчет правду. И они вышли на главную галерею, где свет факелов и свечей уже не казался таким ослепляющим, потому что внутри у них горел свой тихий огонь — огонь, который не гаснет от придворного шума и не боится тяжёлых решений. Они вышли на главную галерею — и шум дворца обрушился на них, как волна: голоса советников, шелест мантий, звон серебряных подносов, которые несли слуги. Свет факелов казался теперь не торжественным, а навязчивым, будто пытался выжечь из памяти тихий полумрак коридоров и звёздное небо над обсерваторией. В дальнем конце зала, у высоких резных дверей, уже стоял король Эралинор. Его взгляд был спокоен, но в нём читалось нетерпение — не раздражение, а та особая собранность правителя, который знает: время — самый дорогой ресурс, и его нельзя тратить впустую. Рядом с ним, как всегда безупречно прямой, застыл лордканцлер, а чуть поодаль перешёптывались придворные — их шёпот был похож на жужжание пчёл, готовых ужалить при малейшей слабости. — Наконецто, — произнёс Эралинор, когда ЛиаЭра и Фреймор приблизились. — Мы уже начали думать, что звёзды оказались интереснее государственных дел. ЛиаЭра склонила голову, но в её поклоне не было покорности — скорее достоинство, с которым она принимала и свою роль, и свою свободу. — Иногда звёзды подсказывают то, что не видно в картах, отец, — ответила она ровно, без вызова, но и без извинений. Король едва заметно улыбнулся — так, будто услышал не дерзость, а зрелость, которую давно ждал. — Тогда пусть они будут твоим советником, когда карты молчат. Но сейчас нам нужны не предсказания, а решения. Канцлер сделал шаг вперёд, держа в руках свиток, туго перетянутый алой лентой. — Проект договора о союзе готов, — произнёс он, протягивая пергамент Фреймору. — Здесь прописаны все условия: торговые пути, гарнизоны на границе, взаимные обязательства в случае новой волны тьмы. И, разумеется, пункт о браке. Фреймор взял свиток, ощутив пальцами шероховатость пергамента и холод металлической печати. Он не спешил разворачивать его — словно хотел удержать ещё хоть мгновение той тишины, что осталась в коридорах. — Прежде чем я поставлю подпись, — тихо, но отчётливо произнёс он, — я хочу услышать не только условия. Я хочу понять: что для вас значит этот союз? Не на бумаге. А здесь, — он коснулся ладонью груди, туда, где билось сердце, всё ещё помнившее шёпот звёзд. Канцлер на секунду замер, будто столкнулся с чемто, не предусмотренным протоколами. Но Эралинор кивнул, словно именно этого и ждал. — Хороший вопрос, — сказал король. — Для нас этот союз — не просто бумага. Это щит. Тьма не знает границ, она не смотрит на карты. Она приходит туда, где мы слабее. А мы станем сильнее, соединив наши силы. Но щит держится не только на железе. Он держится на доверии. На том, что один правитель знает: если ему станет тяжело, другой протянет руку.

ЛиаЭра подняла взгляд на Фреймора, и в её глазах он увидел не ожидание покорности, а готовность стоять рядом — не как украшение трона, а как равная. — И я хочу добавить, — тихо сказала она, но голос её прозвучал ясно, перекрывая даже гул зала, — что щит держится ещё и на том, что те, кто его держит, смотрят в одну сторону. Не потому что так велено, а потому что так решено. Фреймор медленно кивнул и наконец развернул свиток. Строки плыли перед глазами, но он вчитывался в каждое слово, понимая: это не просто договор, это обещание, которое он даёт не только короне, но и себе. — Я подпишу, — произнёс он после долгой паузы, поднимая глаза на Эралинора. — Но с одним условием. Пусть в этом зале, в этот час, мы не будем говорить только о границах и пошлинах. Пусть будет сказано и о том, что мы защищаем. О людях, о домах, о звёздах, под которыми они засыпают. Пусть этот союз будет не только против тьмы — он будет за свет. Король Западного королевства долго смотрел на него, словно взвешивая каждое слово. Потом медленно протянул руку и положил её на плечо Фреймора — не как знак власти, а как жест признания. — Ты говоришь как будущий король, — проговорил он тихо. — Пусть будет так. Канцлер неохотно кивнул, но в его глазах мелькнуло уважение — пусть и сдержанное. Он подал Фреймору перо, и принц, не колеблясь, вывел свою подпись — чёткими, уверенными штрихами, будто уже слышал, как эти буквы отзовутся в истории. А когда он поднял голову, ЛиаЭра едва заметно улыбнулась — не придворной улыбкой, а той, что рождается между двумя людьми, которые только что сделали первый шаг не по приказу, а по собственному выбору. В этот момент в зал вошёл главный чародей Южного королевства — тот самый, что был на совете у отца Фреймора. Его мантия была покрыта дорожной пылью, а в глазах читалась тревога. — Ваше величество, — он поклонился Эралинору, потом Фреймору, — простите за вторжение. Но есть вести, которые нельзя откладывать. Тьма... она не ждёт. На восточных рубежах замечены следы древней магии. Там, где раньше были лишь руины, теперь собираются тени. Они не просто выжидают. Они готовятся. Зал мгновенно стих. Даже придворные перестали шептаться, почувствовав, как воздух стал тяжелее. Фреймор выпрямился, и в нём снова проступил воин — тот, кто годами тренировался с мечом и укрощал пламя в ладонях. Но теперь к этой силе прибавилось нечто новое: ответственность, которая легла на плечи не по праву рождения, а по сделанному выбору. — Когда? — коротко спросил он. — Через несколько дней, — ответил чародей. — Если мы не выступим сейчас, они успеют собрать силу. Эралинор переглянулся с ЛиаЭрой, и в этом взгляде промелькнуло молчаливое согласие. — Тогда мы выступаем вместе, — решил король. — Южные и западные войска. Союз, который мы только что скрепили, будет испытан не через годы, а через дни. ЛиаЭра шагнула вперёд, не как принцесса, просящая разрешения, а как наследница, готовая разделить судьбу своего народа. — Я поеду с вами, — сказала она твёрдо. — Не как украшение войска, а как его часть. Мои знания магии границ помогут удержать линии, если тьма прорвётся. Фреймор посмотрел на неё — и впервые не увидел в её решимости юношеской бравады. Он увидел силу, равную его собственной. — Тогда мы поедem вместе, — произнёс он, и в этих словах прозвучало не обещание брака, а обещание союза — того самого, что держится не на бумаге, а на верности и мужестве. И в тот миг, когда зал наполнился приказами, топотом сапог и звоном оружия, Фреймор и ЛиаЭра обменялись коротким взглядом — таким, который не нуждался в словах. Они знали: впереди их ждёт испытание, которое либо сломает их, либо сделает легендой. И они были готовы встретить его — рядом друг с другом. Подготовка к походу шла стремительно, но в этой суете Фреймор и ЛиаЭра то и дело ловили друг на друге взгляды — короткие, обжигающие, будто между ними тянулась невидимая нить, которая с каждым часом становилась туже. В зале, где ещё недавно звучала музыка лютен, теперь звенели приказы, скрипели перья, чертя маршруты, и лязгали доспехи, но среди этого грохота они улавливали тишину — ту самую, что принадлежала только им двоим. ЛиаЭра стояла у карты, склонившись над пергаментом, и её пальцы скользили по линиям границ, будто она пыталась запомнить не дороги, а сам воздух этих земель. Фреймор

подошёл бесшумно, но она всё равно почувствовала его присутствие — как чувствуют тепло огня, даже не видя пламени. — Ты уверена, что хочешь ехать с нами? — тихо спросил он, не глядя на карту, а глядя на неё: на то, как свет факела ложится на её волосы, превращая их в расплавленное серебро, на то, как в её глазах отражается не страх, а решимость, острая, как лезвие клинка. Она подняла взгляд, и в нём вспыхнуло что-то, чего раньше не было, — не упрямство, а страсть к тому, что она собиралась защищать. — Я не стану ждать в безопасности, пока другие проливают кровь за мой дом, — проговорила она твёрдо, но голос её чуть дрогнул, выдавая напряжение, которое она так старательно прятала. — А если ты думаешь, что я буду помехой... знай: я умею не только читать звёзды. Я умею читать тьму. И когда она придёт, я буду там, где она ударит сильнее всего. Фреймор невольно шагнул ближе — так близко, что между ними осталось лишь дыхание, тонкое, как шёлковая нить, готовая порваться от любого резкого движения. — Я не считаю тебя помехой, — произнёс он глухо, и в этом «не считаю» прозвучало куда больше, чем просто согласие. — Но я боюсь... не за твою силу. Я боюсь за то, что если с тобой что-то случится, мир станет темнее, чем любая тьма, которую мы встретим на поле боя. ЛиаЭра замерла, будто эти слова коснулись чего-то глубоко спрятанного, того, что она не позволяла себе чувствовать. Её ресницы дрогнули, и на мгновение маска холодной наследницы треснула, обнажив девушку, которая тоже боялась — не за себя, а за то, что может потерять того, кто начал становиться ей дороже всех титулов и клятв. — Тогда пообещай мне одну вещь, — прошептала она, и голос её стал тише, но от этого только твёрже. — Если станет слишком опасно... не пытайся спасти меня ценой всего остального. Я не хочу, чтобы ты стал героем, который забыл, ради чего сражался. Он чуть наклонил голову, словно принимая не просто просьбу, а клятву, которую нельзя нарушить. — Обещаю, — сказал он, и в этом слове прозвучала такая искренность, что ей вдруг захотелось поверить, что даже посреди самой страшной бури можно найти тихий уголок, где ты не один. В этот миг между ними что-то изменилось — не слова, не клятвы, а сама ткань воздуха стала иной: гуще, горячее, наполненная током, который пробегал от его взгляда к её рукам, от её голоса к его сердцу. — Мы справимся, — прошептал он, почти касаясь её плеча, но не касаясь — будто боялся, что одно прикосновение взорвёт эту хрупкую тишину, превратив её в пламя, которое уже не удастся укротить. ЛиаЭра чуть склонила голову, и в её улыбке мелькнуло что-то дерзкое, почти озорное, — та самая искра, которую она прятала под короной и тяжёлыми платьями. — Знаешь, на Западе говорят: «Страсть — это огонь, который не гаснет даже в ледяной буре». Я не хочу быть той, кто ждёт у окна. Я хочу быть той, кто идёт рядом. Даже если буря будет такой, что звёзды погаснут. Фреймор улыбнулся в ответ — не широко, но так, что в этой улыбке было столько тепла, что оно могло растопить любой лёд. — Тогда пусть буря боится нас. Потому что мы не просто двое, которых связали договором. Мы — те, кто решил идти вместе. И если тьма думает, что сможет нас разлучить, она ещё не знает, на что способна настоящая страсть — не к славе, не к власти, а к тому, чтобы стоять плечом к плечу, даже когда весь мир рушится. Они стояли так ещё мгновение — слишком близко, чтобы это выглядело как простая беседа, и слишком сдержанно, чтобы назвать это признанием. Но в этом молчании было больше слов, чем во всех договорах, подписанных в тот день. А потом дверь распахнулась, и в зал ворвался холодный ветер с севера, принося запах далёкой грозы и предчувствие битвы. Вошёл генерал Фрейренд, в доспехах, сверкающих, как ледяные осколки, и коротко кивнул: — Колонны готовы. Лошади оседланы. Через час мы выходим. Фреймор выпрямился, возвращаясь к роли принца и воина, но прежде чем отойти, он на секунду задержал взгляд на ЛиаЭре — так, чтобы она поняла: это не прощание. Это обещание, что он будет рядом. Она ответила ему лёгким кивком, в котором тоже не было слов, но была целая клятва. Когда они вышли во двор, небо уже темнело, наливаясь фиолетовой тяжестью, будто собирало силы для грядущей бури. Лошади нетерпеливо били копытами, воздух был острым, как лезвие, и пах грозой. ЛиаЭра легко вскочила в седло, её плащ взметнулся, как крыло, а корона сверкнула

в последних лучах заката. Фреймор замер на мгновение, любуясь ею: в этот миг она была не принцессой, ожидающей трона, а воительницей, рождённой для шторма. Он подошёл к своему коню, но прежде чем вскочить в седло, обернулся к ней: — Держись рядом. Не потому что ты слабее. А потому что... мне будет спокойнее, если я буду видеть тебя. ЛиаЭра чуть наклонила голову, и в её взгляде вспыхнуло то самое чувство, которое они оба боялись назвать вслух, но которое уже горело между ними, как сигнальный огонь. — Тогда держись рядом со мной, — ответила она с лёгкой улыбкой, в которой было столько страсти и отваги, что ему вдруг стало ясно: эта девушка не просто разделит с ним трон — она разделит с ним саму судьбу. И когда войско двинулось вперёд, разрывая тишину ржёй лошадей и лязгом оружия, Фреймор и ЛиаЭра ехали бок о бок, и между ними больше не было ни дворцовых стен, ни титулов, ни холодных взглядов советников. Был только путь, буря, надвигающаяся с востока, и огонь, который разгорался в их сердцах — огонь, способный осветить даже самую глубокую тьму. Колонна двигалась сквозь сумерки, и с каждым шагом ночь становилась гуще, будто сама тьма сгущалась вокруг, пробуя границы их решимости. Ветер срывал плащи, трепал гривы коней, а воздух уже пах не грозой — он пах магией, старой и злой, той, что помнит имена павших и шепчет их в уши живым. Фреймор ехал чуть впереди, но всё время ловил взглядом ЛиаЭру: не чтобы убедиться, что она держится в седле — в её осанке не было ни капли слабости, — а чтобы видеть, как в её глазах отражается дорога: не как путь к битве, а как испытание, которое они проходят вместе. Когда луна наконец вырвалась из-за туч, её свет лёг на ЛиаЭру так, что она казалась не из плоти и крови, а из серебра и воли. Фреймор невольно замедлил коня, поравнявшись с ней. — Ты дрожишь, — тихо сказал он, не обвиняя, а замечая то, что нельзя было скрыть: лёгкий трепет, пробегающий по её плечам, будто невидимые пальцы тьмы касались её кожи. Она усмехнулась, но в этой усмешке не было насмешки над собой — только признание правды. — Я не от страха, — проговорила она, чуть наклонив голову, и голос её прозвучал твёрдо, хотя слова давались нелегко. — Я чувствую её. Тьму. Она здесь, совсем близко. Она тянется к нам, как голодный зверь. И чем ближе мы подъезжаем, тем громче она шепчет. Фреймор нахмурился. Он привык к мечу, к огню, к удару и защите, но эта магия, эта чужая, липкая близость тьмы была ему непривычна. — Что она шепчет? ЛиаЭра на мгновение закрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то, что слышали только те, кто родился с даром чувствовать границы миров. — Она шепчет: «Вы не сможете удержать свет». Она хочет, чтобы мы поверили, что уже проиграли. Что наш союз — это просто бумага, а наши клятвы — пустые слова. Он резко остановил коня, и колонна позади него тоже замерла, повинаясь беззвучному приказу. Фреймор спешил, подошёл к её коню и положил ладонь на лук седла — не для того, чтобы удержать, а чтобы дать опору. — Тогда мы скажем ей другое, — произнёс он, глядя прямо в её глаза, где смешивались лунный свет и отблеск внутренней магии. — Мы скажем: «Мы держимся не потому, что обязаны. Мы держимся, потому что выбираем друг друга». ЛиаЭра медленно опустила ногу, позволяя ему помочь ей спуститься. Их руки на мгновение соприкоснулись — и от этого прикосновения по воздуху будто пробежала искра, яркая, чистая, отгоняющая липкий шёпот тьмы. — Ты говоришь так, будто это что-то меняет, — прошептала она, и в голосе её звучала не насмешка, а отчаянная надежда. — Меняет, — коротко ответил он и, не отпуская её руку, потянул чуть ближе, так, чтобы между ними не осталось ни ветра, ни чужих шёпотов. — Потому что когда двое стоят рядом, тьма не может подойти вплотную. Она боится того, что сильнее её, — настоящей страсти. Не к власти, не к трону, а к тому, чтобы не дать друг другу упасть. И прежде чем она успела что-то ответить, он притянул её к себе — не грубо, но твёрдо, как человек, который знает: сейчас важнее всего почувствовать, что рядом есть живое тепло, настоящее, упрямое, готовое сражаться. ЛиаЭра уткнулась лбом ему в плечо, на секунду позволив себе слабость, которую тут же сменила стальная решимость. Она вдохнула запах его плаща — дым, сталь, жар огня — и подняла голову. — Хорошо, — сказала она, и в этом «хорошо» прозвучало согласие не только с его словами, но и с тем, что теперь

они действительно идут вместе, без масок и титулов. — Тогда пусть тьма слышит не только наши шаги. Пусть слышит, как бьются наши сердца. Пусть знает: мы не боимся её. Фреймор улыбнулся уголком губ — не весело, а так, как улыбается воин перед рассветом, когда ночь ещё сильна, но уже видно, как свет пробивается сквозь неё. — И пусть знает ещё кое-что, — тихо добавил он, снова беря её за руку, но теперь уже не для опоры, а чтобы не отпускать. — Что если она попробует забрать у меня тебя, я сожгу весь этот мрак дотла. Даже если для этого придётся разжечь огонь в собственной крови. В этот момент генерал Фрейренд подъехал ближе, но, увидев их, не стал торопить, не стал напоминать о времени. Он лишь кивнул, будто понял: иногда перед битвой нужно не отдавать приказы, а дать людям почувствовать, ради чего они готовы стоять до конца. — Мы почти на месте, — сказал он спокойно, глядя не на них, а вперёд, туда, где горизонт уже чернел, как обожжённая рана. — Руины древнего храма. Именно там тьма собирает силу. Если мы не остановим её сейчас, она прорвётся дальше, и тогда защищать придётся уже не границы, а сами города. Фреймор выпрямился, снова становясь принцем и военачальником, но не отпускал руки ЛиаЭры. — Веди нас, — коротко сказал он генералу, но сам не сводил глаз с девушки рядом с собой. Они снова сели на коней и двинулись вперёд, теперь уже не просто как союзники по договору, а как двое, которые нашли друг в друге то, чего не было в титулах и клятвах: настоящую опору. И когда колонна пересекла невидимую черту, где воздух стал тяжёлым, а тени — слишком длинными, ЛиаЭра тихо произнесла древнее заклинание, и вокруг них вспыхнул тонкий серебристый щит — не из стали, а из магии, сплетённой из звёздного света и их общей решимости. — Теперь она знает, что мы пришли, — прошептала ЛиаЭра, глядя вперёд, туда, где тьма уже не шептала, а кричала. Фреймор крепче сжал поводья, но его взгляд был спокоен. — Пусть кричит, — ответил он. — Мы пришли не слушать. Мы пришли отвечать. И когда первые тени вырвались из руин, словно чёрные стрелы, летящие прямо в сердце их отряда, Фреймор поднял руку, и пламя вспыхнуло вокруг него — не дикое, не слепое, а собранное, как клятва. А рядом с ним ЛиаЭра подняла ладонь, и звёзды, казалось, склонились к её голосу, сплетая свет в острые копья, готовые встретить тьму лицом к лицу. Битва началась. Но в самом её первом ударе, среди лязга и криков, среди вспышек магии и звона стали, было одно мгновение, когда их взгляды встретились — и в этом взгляде не было страха. Только страсть к жизни, к свету, друг к другу — страсть, которая не гаснет даже в самой глубокой тьме. Тени рванулись вперёд, словно чёрные копья, и воздух наполнился визгом — не звериным, не человеческим, а чемто древним, скрежещущим, будто сама тьма кричала от ярости, что её границу посмели нарушить. Фреймор вскинул руку — и из его ладони вырвался столб пламени, не рыжего, а ослепительнобелого, такого, каким горит чистая магия огня. Пламя ударило в первую волну теней, и те рассыпались, как угольки от порыва ветра, но тут же из руин хлынула новая волна — густая, маслянистая, цепляющаяся за воздух, будто хотела выдрать из него сам свет. ЛиаЭра не отступила ни на шаг. Она подняла обе руки, и звёзды, будто услышав её безмолвный зов, пролились вниз тонкими серебряными нитями, сплетаясь в сияющую сеть. Сеть накрыла отряд, и тьма, коснувшись её, зашипела, как вода на раскалённом железе. — Держать строй! — рявкнул генерал Фрейренд, и его голос, твёрдый и яростный, прорвался сквозь вой тьмы, собирая воинов, как сталь собирает осколки в клинок. Но среди лязга, криков и вспышек магии Фреймор видел только одно: ЛиаЭру. Её лицо было бледным, но не от страха — от напряжения, от той силы, которую она тянула из неба, из самой ткани мира. Прядь волос выбилась из причёски и прилипла к щеке, а в глазах горело такое упрямство, что казалось, она готова удержать небо на своих плечах, лишь бы оно не упало на их головы. Он рванулся к ней, прикрывая собой, когда из темноты вынырнула тень с когтями, похожими на чёрные лезвия. Фреймор ударил огненным кулаком — и тень взорвалась искрами, осыпавшись пеплом. — Не смей подходить так близко! — крикнул он, сам не узнавая своего голоса, в котором ярость смешалась с паникой. ЛиаЭра резко повернула голову, и в её взгляде сверкнуло возмущение — не на него, а на саму мысль, что она может

быть слабой. — Я не хрустальная ваза! — выкрикнула она, и тут же её магия рванулась вперёд, разрывая тьму на лоскуты, обнажая то, что пряталось в глубине руин: высокую фигуру в рваном плаще, с лицом, будто вырезанным из обсидиана. Это был предводитель тьмы — не просто чудовище, а разумное, древнее зло, которое знало имена королей и помнило, как рушились троны. Он поднял руку, и руины вокруг него задрожали, будто собирались обрушиться на отряд, погребая всех под вековой пылью и проклятиями. — Он тянет силу из самого места, — прошептала ЛиаЭра, и голос её дрогнул не от страха, а от тяжести понимания. — Этот храм был построен на крови. И теперь он пьёт её снова. Фреймор посмотрел на неё — и вдруг увидел не принцессу, не будущую королеву, а девушку, которая стояла на краю бездны и не отводила взгляда. В этот миг что-то внутри него щёлкнуло, встало на место: он понял, что не сможет её защитить, если будет только прикрывать. Он должен сражаться рядом. Как равный. Как тот, кто не боится разделить с ней эту тяжесть. — Тогда мы отнимем у него эту силу, — прорычал Фреймор, и в его голосе не осталось ни намёка на мягкость — только сталь и пламя. — Ты рвёшь его связь с храмом. А я сожгу его дотла. ЛиаЭра кивнула, и в этом кивке было столько доверия, что оно само по себе стало щитом. Она закрыла глаза, сосредоточившись, и её магия потянулась к руинам, как корни, разрывающие камень. Она искала ту самую жилу, ту проклятую ось, на которой держалась вся эта тьма. А Фреймор рванулся вперёд, сквозь вихрь теней, сквозь вой и скрежет, сквозь запах гари и древней смерти. Он не бежал — он летел, как летит пламя по сухой траве. Предводитель тьмы усмехнулся, обнажив зубы, чёрные, как обугленные кости, и взмахнул рукой, выпуская волну мрака, которая должна была сбить Фреймора с ног и поглотить его целиком. Но в тот миг, когда мрак коснулся его, Фреймор не отшатнулся. Он шагнул навстречу — и вспыхнул. Не просто огонь, а чистое, яростное пламя, которое горело не снаружи, а изнутри, питаемое не магией, а волей, страстью, желанием защитить то, что стало для него дороже трона. Пламя столкнулось с мраком — и мир на секунду замер, будто даже тьма испугалась этой ярости. А потом мрак взорвался, рассыпавшись на тысячи осколков, и Фреймор оказался прямо перед предводителем, его глаза горели тем же огнём, что и клинок, который он выхватил из ножен. — Ты думал, что можешь забрать у нас свет, — прошипел Фреймор, и каждое его слово было как удар клинка. — Но свет — это не то, что можно украсть. Это то, что горит внутри. И ты никогда не сможешь его погасить. Предводитель тьмы зарычал, и этот рык сотряс даже камни, но ЛиаЭра в этот миг нашла то, что искала. Она разорвала связь храма с тьмой, и руины застонали, как раненый зверь. Сила, которую он копил веками, хлынула наружу — и Фреймор ударил, вкладывая в этот удар всё: свою ярость, свою любовь, свою клятву стоять рядом. Клинок вошёл в сердце предводителя тьмы, и тьма закричала — на этот раз не от злобы, а от боли, от поражения. Она хлынула назад, втягиваясь в руины, растворяясь в воздухе, оставляя после себя только пепел и тишину, тяжёлую, звенящую, как натянутая струна. И когда всё стихло, Фреймор медленно опустил клинок, и пламя на нём погасло, оставив только сталь, тёмную и блестящую. Он обернулся — и увидел ЛиаЭру: она стояла, покачиваясь, но держалась прямо, как дерево, которое выдержало бурю. Её магия угасала, оставляя на коже серебристые следы, похожие на иней. Он бросился к ней, не думая о приличиях, о титулах, о том, что на них смотрят сотни глаз. Он просто подхватил её, когда её ноги подкосились, прижал к себе, чувствуя, как её сердце бьётся в такт его сердцу — быстро, отчаянно, но живо. — Я же сказал, держись рядом, — прошептал он, и голос его дрогнул, выдавая то, что он так старался скрыть: страх потерять её. ЛиаЭра слабо улыбнулась, уткнувшись ему в плечо, и прошептала: — А я сказала: не смей считать меня хрупкой. Просто... иногда даже звёзды устают светить. Он крепче прижал её к себе, будто хотел передать ей своё тепло, свою силу, всё, что у него было. — Тогда пусть сегодня светят другие, — тихо сказал он, глядя на генерала, на воинов, на рассвет, который уже пробивался сквозь тучи, окрашивая пепел в розовый цвет. — А ты просто позволь мне тебя держать. Генерал Фрейренд подошёл, склонил голову — не как подчинённый, а как воин, признающий

силу и правоту. — Битва выиграна, — произнёс он спокойно, но в его глазах было уважение, которого раньше не было. — И не только мечами. Вокруг них медленно собирались воины, уставшие, покрытые копотью, но живые. И в их взглядах было не просто облегчение — в них было признание: эти двое, принц и принцесса, сделали то, что не смогли бы сделать ни договоры, ни армии. Они удержали свет. ЛиаЭра подняла голову, посмотрела на Фреймора — и в её глазах, уставших, но ясных, вспыхнуло что-то новое. Не только страсть, не только благодарность, а обещание. — Мы сделали это вместе, — проговорила она тихо, но так, чтобы он услышал самое главное: она больше не одна, и он тоже. Фреймор улыбнулся — устало, но искренне. — И мы сделаем ещё больше. Потому что теперь я знаю: когда ты рядом, даже тьма не кажется такой страшной. Рассвет поднимался над руинами, и пепел медленно оседал, уступая место новому дню. А они стояли, держась друг за друга, и знали: впереди ещё много битв, много испытаний, много ночей, когда тьма будет пытаться вернуться. Но теперь у них было то, чего не сломать ни мечу, ни проклятию, ни самой древней магии: их союз. Их страсть. Их общая воля не сдаваться. Рассвет медленно разливался по руинам, окрашивая пепел в розовые и золотые тона, будто сама земля хотела смыть следы тьмы. Воины, ещё недавно сжимавшие мечи так, что побелели костяшки пальцев, теперь опускали оружие, позволяя себе короткие, осторожные вздохи облегчения. Кто-то тихо смеялся, кто-то шептал молитвы, а кто-то просто смотрел на небо, словно впервые за долгие годы видел в нём не угрозу, а покой. Фреймор всё ещё держал ЛиаЭру, не потому что она не могла стоять — она уже пыталась высвободиться, хмурясь и бормоча что-то про «я не ранена, я просто устала», — а потому что ему нужно было ещё хоть немного чувствовать, что она здесь, тёплая, живая, настоящая. — Отпусти, — прошептала она, но в голосе не было раздражения, только мягкая усталость, от которой у него сжималось сердце. — Мне нужно... нужно сделать кое-что. Он неохотно разжал руки, но остался рядом, готовый в любой миг снова подхватить её, если колени подогнутся. ЛиаЭра глубоко вдохнула, будто набираясь сил, и медленно подняла ладонь. Над руинами вспыхнул тонкий серебристый свет — не яркий, не слепящий, а тихий, как дыхание утра. Он скользнул по камням, по трещинам, по тёмным пятнам, где ещё цеплялась тьма, и растворил их без крика и пламени, просто стирая, как стирают мел с доски. — Чтобы не вернулось, — тихо пояснила она, опуская руку и чуть поёживаясь от холода, который всегда приходит после большой магии. — Пусть это место снова станет просто камнями. Пусть в нём больше не живёт зло. Генерал Фрейренд подошёл, снял шлем и провёл ладонью по седым волосам — впервые за много лет он выглядел не грозным военачальником, а просто очень уставшим человеком. — Чистая работа, — сказал он, кивая на руины, которые теперь казались не проклятым местом, а печальным памятником чему-то давно ушедшему. — И ваша работа тоже, принц. И ваша, принцесса. Сегодня вы не просто выиграли битву. Вы вернули этим землям надежду. Фреймор хотел было отмахнуться, сказать, что это заслуга всех, кто стоял в строю, но ЛиаЭра опередила его: — Нет, — проговорила она твёрдо, хотя голос всё ещё чуть дрожал от усталости. — Мы не сделали этого одни. Мы сделали это вместе. С каждым из них. И она обвела взглядом отряд — грязных, закопчённых, измученных, но живых. И в этот миг в ней снова проступила наследница: не та, что сидит на троне и раздаёт приказы, а та, что готова встать рядом и разделить тяжесть пути. Воины ответили ей тихими кивками, а кто-то даже позволил себе лёгкую, усталую улыбку. И в этом молчании было больше признания, чем в любых придворных речах. Когда они наконец двинулись обратно, дорога казалась иной: не такой тёмной, не такой чужой. Ветер всё ещё гулял между холмов, но теперь в нём не слышался шёпот тьмы — только запах мокрой травы, далёкого моря и свободы. ЛиаЭра ехала рядом с Фреймором, и на этот раз между ними не было ни напряжения, ни осторожности — только тихое понимание: они прошли через огонь и не сгорели. — О чём ты думаешь? — тихо спросил он, не глядя на неё, а глядя вперёд, туда, где уже виднелись огни сторожевых башен Западного королевства. Она чуть улыбнулась, будто вспоминая что-то хорошее. — О том, что когда всё это закончится, я хочу просто посидеть

гденибудь, где нет карт, свитков и советников. Где можно смотреть на звёзды и не думать, что каждое твоё слово — это политика. Фреймор усмехнулся — устало, но искренне. — Я знаю такое место. Старая обсерватория. Там звёзды ближе. ЛиаЭра посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти нежное. — Тогда обещай мне, что мы туда вернёмся. Не как принц и принцесса, не как союзники. А как двое людей, которые просто хотят посмотреть на небо. — Обещаю, — просто сказал он, и в этом обещании не было пафоса, только тихая правда: он действительно этого хотел. К полудню они въехали во двор Западного королевства. Ворота распахнулись, и навстречу им выбежали слуги, придворные, советники — все говорили разом, задавали вопросы, пытались что-то доложить, но король Эралинор поднял руку, и шум стих, как гаснет пламя от резкого порыва ветра. Он подошёл к дочери, не как правитель, а как отец, и на мгновение прижал её к себе — крепко, поотцовски, без лишних слов. Потом он посмотрел на Фреймора и кивнул — не как королю, а как равному. — Вы принесли не только победу, — тихо сказал он. — Вы принесли веру. А это порой важнее золота и армий. В зале, куда их привели, чтобы наконец-то отдохнуть и поесть, всё было готово: тёплые одеяла, душистый чай, хлеб, мясо, мёд. Но ни Фреймор, ни ЛиаЭра не спешили садиться. Они стояли у высоких окон, глядя, как солнце садится за холмы, окрашивая небо в цвета золота и аметиста. — Знаешь, — тихо сказала ЛиаЭра, не оборачиваясь, — я думала, что страсть — это всегда про пламя, про жар, про то, что сжигает. А сегодня я поняла: страсть — это ещё и про то, что не даёт погаснуть. Про то, что держит, когда сил уже нет. Про то, что заставляет идти вперёд, даже если ноги не слушаются. Фреймор подошёл и встал рядом, не касаясь, но так близко, что она чувствовала тепло его плеча. — Да, — тихо согласился он. — И ещё про то, что ты не один. Что рядом есть кто-то, кто смотрит на тот же горизонт и видит в нём не только опасность, но и путь. Они стояли так ещё долго, пока солнце не скрылось за холмами, а в зале не зажгли свечи. И когда наконец сели, чтобы поесть и немного отдохнуть, между ними уже не было неловкости, не было титулов и договоров. Была только тишина, в которой можно было услышать, как бьются два сердца — в унисон, спокойно, уверенно, будто уже знали: впереди ещё много дорог, но они пройдут их вместе. А ночью, когда все уснули, Фреймор тихо вышел на балкон. Небо было ясным, усыпанным звёздами, и он смотрел на них, вспоминая слова ЛиаЭры. И ему вдруг стало спокойно. Потому что он знал: где-то в соседней комнате спит девушка, которая не побоялась встать рядом с ним против самой древней тьмы. И пока она рядом, он сможет выдержать всё. Ночь опустилась на дворец, мягкая и бархатная, словно сама природа хотела укрыть их от всех тревог мира. В покоях ЛиаЭры горели свечи, отбрасывая на стены тёплые, дрожащие тени, а за окном мерцали звёзды — те самые, о которых они говорили у обсерватории. Принцесса стояла у окна, глядя на небо, и её пальцы едва касались холодного стекла, будто она пыталась дотянуться до той тишины, что жила между звёздами. Дверь тихо скрипнула, и она обернулась. На пороге стоял Фреймор. В парадном плаще он выглядел как принц — достойный, собранный, безупречный. Но в его глазах не было придворной сдержанности. В них горело то, что он не мог спрятать: страсть, усталость, нежность, смешанная с тревогой. — Я не хотел мешать, — тихо сказал он, будто оправдываясь за то, что вообще посмел прийти. — Но я не мог уснуть. Там, за стеной, всё шепчут про союзы, про границы, про договоры... А я хотел просто услышать чей-то голос, в котором нет политики. ЛиаЭра улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются, когда внутри всё ещё дрожит от пережитого, но уже хочется верить, что самое страшное позади. — Тогда говори не как принц. Говори как тот, кто стоял рядом со мной и не отступил. Фреймор шагнул внутрь, закрыв за собой дверь, и на мгновение замер, будто боялся нарушить хрупкую тишину её покоев. Потом подошёл ближе, но не вплотную — оставил между ними расстояние в один вздох, один шаг, который оба боялись сделать. — Знаешь, когда я поднимал клинок, — проговорил он тихо, почти шёпотом, — я думал не о славе. Не о том, что скажут в хрониках. Я думал только об одном: если я ошибусь, если я не успею, тьма заберёт тебя. И тогда весь мой мир станет чёрным. Даже если солнце будет светить. ЛиаЭра медленно опустила ресницы,

и в этом движении была вся её уязвимость — та, которую она так старательно прятала под короной и холодным взглядом наследницы. — А я думала о том, что если ты сгоришь, попытаюсь меня защитить, я не смогу жить с этим огнём. Он будет жечь меня изнутри. Мы должны сражаться не так, чтобы один спасал другого ценой себя. Мы должны сражаться так, чтобы оба остались здесь. Он чуть склонил голову, признавая её правоту, и вдруг протянул руку — не для того, чтобы взять, а чтобы предложить. — Тогда давай пообещаем друг другу: больше никаких героических глупостей. Никаких «я спасу тебя любой ценой». Только «мы пройдем это вместе». Она вложила свою ладонь в его — тёплую, чуть дрожащую, но твёрдую. И в этом прикосновении было больше клятвы, чем в любом дворцовом ритуале. — Обещаю, — прошептала она, и голос её дрогнул, но не от страха, а от того, как сильно она хотела, чтобы это обещание сбылось. Он не отпустил её руку. Вместо этого чуть сжал пальцы, будто проверял, что она настоящая, живая, здесь, рядом. — Иногда мне кажется, что между нами столько титулов, столько ожиданий, столько чужих слов, что они могут заглушить всё остальное, — признался он, глядя ей прямо в глаза, не пряча ни боли, ни желания быть понятым. — Но когда ты смотришь на меня так, как сейчас, я чувствую, что всё это не имеет значения. Есть только ты. И я. И этот миг. ЛиаЭра чуть наклонила голову, и прядь серебристых волос скользнула по её щеке, как лунный луч. Она не отводила взгляда, и в её глазах читалось то, что она не решалась произнести вслух: — Я так устала быть сильной для всех. Но с тобой... мне не нужно притворяться. С тобой я могу быть просто девушкой, которая боится, но всё равно идёт вперёд. Потому что знает: ты не позволишь ей упасть. Фреймор медленно поднял свободную руку и осторожно заправил эту прядь ей за ухо — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по её коже пробежала дрожь. — Ты не упадёшь, — прошептал он, и в его голосе звучала не пустая уверенность, а твёрдое обещание, выкованное в огне битвы и закалённое страхом потерять её. — Я буду рядом. Не как страж. Не как телохранитель. А как тот, кто тоже боится, но выбирает стоять плечом к плечу. Она чуть подалась вперёд, нарушая границу, которую сама же и держала, и прижалась лбом к его плечу — не как принцесса, ищущая защиты, а как человек, который наконец позволил себе опереться на того, кому доверяет больше всего на свете. — Спасибо, — прошептала она тихо, почти неслышно, будто боялась спугнуть этот миг. — За то, что ты не говоришь мне быть сильной. За то, что просто даёшь мне право устать. Он обнял её осторожно, будто она была из хрусталя, но крепко, так, чтобы она почувствовала: он здесь, он настоящий, он не исчезнет. — Отдыхай, — прошептал он ей в волосы, вдыхая тонкий аромат лаванды и магии, который всегда витал вокруг неё. — Пусть сегодня мир подождёт. Пусть подождут советники, карты и границы. Сегодня есть только ты и я. И эта ночь, которая наконецто стала тихой. Они стояли так долго, пока свечи не начали оплывать, а тени не стали длиннее. И в этой тишине, в этом объятии, в этом редком мгновении покоя между бурями рождалось что-то новое — не просто союз двух королевств, а союз двух сердец, которые научились биться в унисон. А когда ЛиаЭра наконец подняла голову, её глаза были ясными, отдохнувшими, и в них светилось что-то, чего раньше не было, — спокойная уверенность, рождённая не из власти, а из знания, что рядом есть тот, кто не даст ей утонуть в волнах судьбы. — Знаешь, что я хочу сейчас больше всего на свете? — спросила она с лёгкой улыбкой, в которой было столько нежности, что у него защемило сердце. — Что? — Просто посидеть с тобой где-нибудь, где нет ни тронов, ни корон. Где мы можем быть просто парнем и девушкой, которые смотрят на звёзды и говорят о чём-то совершенно неважном. О любимых пирогах. О том, какой ветер пахнет лучше. О том, что завтрашний день может быть хорошим. Фреймор улыбнулся — устало, но счастливо, и впервые за долгое время почувствовал, что внутри у него не клубится тревога, а разливается тихое, тёплое спокойствие. — Тогда завтра мы сбежим, — тихо пообещал он, чуть крепче сжимая её руку. — На час. На два. Пусть весь мир думает, что мы на совете. А мы будем сидеть на склоне холма, есть медовые лепёшки и спорить, какая звезда ярче. ЛиаЭра рассмеялась — тихо, искренне, и этот смех был для него

слаше любой похвалы, дороже любой короны. — Договорились. Только... обещаю, что ты не будешь смотреть на горизонт и высматривать врагов. Хотя на эти два часа. — Обещаю, — сказал он, и в этом обещании было столько страсти к жизни, столько желания просто быть рядом, что она поверила: этот час будет их. Только их. И когда он наконец ушёл, тихо прикрыв за собой дверь, ЛиаЭра ещё долго стояла у окна, прижимая к груди ладонь, на которой всё ещё чувствовалось тепло его руки. А Фреймор, возвращаясь по тёмным коридорам, улыбался, сам того не замечая, потому что знал: даже если завтра снова придёт тьма, у него есть то, ради чего стоит сражаться. Есть она. И это чувство, которое горит в груди не как пламя битвы, а как тихий, но неугасимый свет любви. Утро наступило неожиданно — не с криков часовых и не с грохота доспехов, а с тонкого золотого луча, скользнувшего сквозь резные ставни и упавшего прямо на лицо ЛиаЭры. Она приоткрыла глаза, улыбнулась чемуто своему, ещё сонному, и на секунду забыла, что она принцесса, наследница, хранительница границ. В эту секунду она была просто девушкой, которая наконецто могла позволить себе выдохнуть. А потом вспомнила: вчера пришёл Фреймор. Стоял в дверях, смотрел так, будто боялся спугнуть её одним лишним словом. И она не прогнала его. Наоборот — позволила себе опереться на его плечо, позволила его рукам стать той самой опорой, о которой она даже не смела просить. И от этой мысли по коже пробежала тёплая дрожь, будто само утро шептало: «Ты не одна». Она быстро оделась — не в тяжёлые парадные платья, а в простую тунику, плащ и мягкие сапоги, в которых удобно бежать по траве и карабкаться по склонам. Волосы заплела в свободную косу, оставив несколько прядей свободно виться у лица, и тихо выскользнула из покоев, надеясь, что никто не заметит её исчезновения хотя бы первые десять минут. Фреймор ждал её у боковой калитки, там, где дворцовые стены смыкались с лесом, и стражники делали вид, что смотрят строго, а на самом деле чуть улыбались, понимая: иногда даже королям и принцессам нужно сбежать. Он тоже переделся: вместо парадного плаща — простая куртка, вместо церемониальных сапог — походные, выдавшие не один переход. В руках он держал небольшой свёрток. — Медовые лепёшки, — улыбнулся он, перехватив её взгляд. — И сыр. И немного яблок. Не королевский пир, но для холма — в самый раз. ЛиаЭра рассмеялась, и этот смех был таким искренним, что даже вороны на деревьях будто притихли, прислушиваясь к нему. — Идеально, — прошептала она, чувствуя, как внутри разгорается что-то лёгкое, почти детское — радость от простого, настоящего, не расписанного по протоколам дня. Они шли по тропинке, которая петляла между старыми дубами, и солнце играло в листве, рассыпая золотые искры. Здесь, вдали от дворцовых коридоров, титулы казались чем-то далёким и почти смешным. — Знаешь, я всё время думаю, — тихо сказал Фреймор, когда они поднялись на знакомый холм, тот самый, с которого было видно, как небо сливается с горизонтом. — Что если бы мы встретились не как принц и принцесса, не как союзники по договору... а просто как двое людей. На рынке, например. Ты бы выбирала яблоки, а я бы пытался не уронить корзину с хлебом. И мы бы столкнулись. И ты бы посмотрела на меня вот так — с лёгкой насмешливой искринкой в глазах — и сказала: «Смотри, куда идёшь». ЛиаЭра села на траву, расправила плащ и подняла лицо к солнцу, позволяя ему согреть щёки. — И я бы не стала извиняться, — подхватила она, улыбаясь. — Я бы сказала: «Это ты не смотришь, куда идёшь. Тут все ходят». И ты бы нахмурился, а потом вдруг улыбнулся, потому что понял: я не собираюсь кланяться и делать вид, что я тише воды, ниже травы. Фреймор сел рядом, не слишком близко, но и не так, чтобы между ними можно было просунуть даже листок. — А потом я бы предложил тебе эти самые медовые лепёшки. Просто потому, что они были у меня в корзине. И ты бы взяла одну, надкусила и сказала: «Неплохо. Но у моей бабушки лучше». ЛиаЭра тихо рассмеялась, прикрыв рот ладонью, будто боялась, что кто-то услышит её счастье и отнимет его. — Точно. А потом ты бы обиделся, а я бы сказала: «Ладно, эти тоже ничего». И мы бы сели на ступеньках и ели, и смотрели, как солнце садится, и болтали о всякой ерунде. О том, что ветер сегодня пахнет дождём. О том, что у соседского кота слишком самоуверенный

вид. О том, что звёзды сегодня особенно яркие. Он протянул ей лепёшку, и когда их пальцы на мгновение соприкоснулись, воздух будто стал гуще, насыщеннее, будто в этом простом касании было больше смысла, чем в тысяче клятв. — Вот это я и хочу, — тихо признался он, глядя не на неё, а вперёд, на горизонт, чтобы спрятать ту искренность, которая обжигала даже его самого. — Чтобы у нас было это «просто». Чтобы мы могли сидеть вот так, есть лепёшки, спорить про котов и звёзды и не думать, что каждое наше слово записывают, чтобы потом разобрать по слогам и найти в нём политику. ЛиаЭра откусила кусочек, закрыла глаза и чуть вздохнула от удовольствия. — Тогда давай сегодня не будем ни принцем, ни принцессой. Давай будем просто парнем, который принёс лепёшки, и девушкой, которая очень их хотела. Он наконец посмотрел на неё — и в его взгляде было столько нежности, столько желания защитить не мечом, а простым человеческим теплом, что у неё на мгновение перехватило дыхание. — Договорились, — сказал он, и голос его звучал твёрдо, как клятва, но в нём не было ни капли пафоса. — Сегодня мы просто двое, которым повезло встретить друг друга на этой тропинке. Они ели, смеялись над самыми пустяковыми вещами, и время будто замедлялось, растягиваясь в тонкую, драгоценную нить, которую они не хотели рвать. ЛиаЭра рассказывала, как в детстве пряталась в библиотеке, чтобы не идти на уроки этикета, и как однажды устроила в саду маленький фейерверк из магических искр, потому что хотела увидеть, как цветы светятся в темноте. Фреймор смеялся, а потом признался, что в те же годы тайком убегал на конюшню и учился ездить верхом без седла, потому что так казалось свободнее. И вдруг, посреди этого тихого, почти беззаботного разговора, он замер, а потом медленно протянул руку и коснулся её пальцев — не крепко, не властно, а так, будто спрашивал разрешения. И когда она не отняла руку, а наоборот чуть сжала его пальцы в ответ, он выдохнул, будто только сейчас позволил себе поверить, что это возможно: быть рядом и не бояться, что тебя оттолкнут. — Ты знаешь, что самое странное? — тихо сказал он, глядя на их переплетённые пальцы, на то, как солнце рисует на коже тёплые узоры. — Когда я думаю о будущем, я больше не вижу там только битв, границ и советов. Я вижу вот это. Нас. Холм. Лепёшки. И то, как ты смеёшься, когда рассказываешь про фейерверк. И мне вдруг хочется, чтобы в этом будущем было больше вот таких дней. Больше «просто». ЛиаЭра наклонила голову, и в её глазах блеснуло что-то, от чего у него защемило сердце — не боль, а та самая страсть, которая рождается не из огня битвы, а из понимания: вот он, твой человек. Тот, с кем можно быть настоящим. — Я тоже этого хочу, — прошептала она. — Не чтобы будущее было безопасным. Я знаю, что оно не будет таким. Но чтобы в нём всегда было место для нас. Для вот этого холма. Для медовых лепёшек. Для того, чтобы мы могли держаться за руки и знать: что бы ни случилось завтра, сегодня мы были счастливы. Он чуть наклонился к ней, не спеша, давая ей время отстраниться, если она захочет. Но она не отстранилась. Наоборот, чуть подалась вперёд, будто сама искала этот миг, когда расстояние между ними станет неважным. И когда их губы наконец встретились, это не было взрывом — это было признание, тихое и глубокое, как дыхание земли перед рассветом. Лёгкое, осторожное прикосновение, в котором было больше страсти, чем в любом громком обещании: страсть к жизни, к друг другу, к тому, чтобы просто быть рядом. Когда они отстранились, между ними повисла тишина, но не неловкая, а наполненная чем-то новым, хрупким и бесконечно ценным. ЛиаЭра прижалась лбом к его плечу, а он обнял её, не отпуская, будто боялся, что этот миг растает, как утренний туман. — Мы вернёмся, — прошептал он ей в волосы, словно убеждая не только её, но и себя. — Мы всегда будем возвращаться к этому холму. К этим лепёшкам. К нам. Даже если мир снова потребует от нас быть королями и принцессами, мы будем знать, что у нас есть это место. Где мы просто двое людей, которые любят друг друга. Она подняла голову и улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что ему вдруг показалось: даже если тьма снова придёт, они смогут удержать её хотя бы тем, что будут сидеть вот так, держаться за руки и смотреть на звёзды. Солнце поднималось выше, заливая холм золотым светом, и мир вокруг казался не просто спокойным — он казался правильным. Как будто все

бури, все битвы и все клятвы вели их именно к этому мгновению. К этому холму. К этому «просто». И когда вдали, у дворцовых стен, зазвенел колокол, напоминая, что реальность не исчезнет только потому, что ты на время о ней забыл, они не вскочили в панике. Они просто переглянулись, улыбнулись друг другу — и встали, не размыкая рук. Потому что знали: теперь они могут идти обратно. Не как заложники своих титулов, а как люди, которые нашли друг в друге то, ради чего стоит сражаться и ради чего стоит просто жить. Подготовка к свадьбе началась не с указов и не с пышных церемоний, а с тихого разговора на том самом холме, где они когда-то ели медовые лепёшки и спорили, какая звезда ярче. — Я не хочу, чтобы это было про корону, — тихо сказала ЛиаЭра, глядя на горизонт, где солнце уже золотило верхушки деревьев. — Я хочу, чтобы это было про нас. Про то, как мы стоим рядом и не боимся ни бури, ни тишины. Фреймор улыбнулся и накрыл её ладонь своей. — Тогда пусть будет так. Пусть даже если на мне будет парадный плащ, а на тебе — платье, в котором можно утонуть в кружевах, я всё равно буду знать: ты та самая девушка, которая не побоялась пойти со мной в самую тёмную ночь. А ты будешь знать: я тот парень, который принёс лепёшки. И с этого «пусть будет так» всё и закружилось — не в вихре придворных интриг, а в тёплом, почти домашнем движении, где каждый шаг был про любовь, а не про политику. Первой пришла к ЛиаЭре старая мастерица Иллира — с корзиной тканей, с рулонами шёлка и бархата, с коробочками пуговиц и бусин. Но вместо того чтобы сразу развернуть эскизы и наброски, она села напротив принцессы, сложила руки и спросила: — А что для вас самое важное? Чтобы платье было видно с другой стороны королевства? Или чтобы в нём можно было дышать, смеяться и, если вдруг захочется, сбежать по тропинке к реке? ЛиаЭра рассмеялась, и в этом смехе было столько облегчения, что даже мастерица чуть улыбнулась. — Хочу, чтобы я могла дышать. Хочу, чтобы оно было лёгким, как лунный свет, но при этом... чтобы в нём чувствовалась сила. Не тяжесть короны, а уверенность, что я знаю, куда иду. И чтобы в нём было место для маленькой шалости — ну, скажем, потайной карман, куда я смогу спрятать одну медовую лепёшку. Иллира кивнула, будто услышала именно то, что хотела. — Значит, будем делать так, чтобы вы могли и править, и сбежать. И чтобы ткань помнила, как ветер гуляет по холмам. Они выбрали ткань цвета рассветного неба — не чисто голубую, а с переливом: где-то серебристую, где-то жемчужную, где-то почти прозрачную. А поверх неё — тонкую вышивку: не тяжёлые вензеля, а звёзды, тонкие линии дорог и крошечные листья, будто платье само выросло из этого мира. И, конечно, потайной карман. ЛиаЭра хихикнула, когда Иллира показала, куда его спрячут — так, что никто не догадается, а она будет знать. А Фреймор тем временем ходил по оружейной, по залам, по мастерским, и везде просил одного: — Мне не нужно, чтобы доспехи звенели, как колокол. Мне нужно, чтобы в них можно было стоять рядом с ней и не чувствовать, что я — стена. Я хочу быть не только защитником. Я хочу быть её партнёром. Старый оружейник, который ковал ещё для отца Фреймора, прищурился, постучал по стали и наконец кивнул. — Сделаем так, чтобы сталь была лёгкой, а смысл — тяжёлым. Пусть на наплечниках будут выгравированы звёзды — те самые, что вы видели на холме. А на поясе — лента с её цветом. Не как знак подчинения, а как знак: мы идём вместе. Когда Фреймор показал ЛиаЭре набросок, она долго смотрела на гравировку, а потом подняла глаза, блестящие от едва сдерживаемых слёз. — Это именно то, — прошептала она. — Не про то, кто сильнее. А про то, что мы сильнее, когда рядом друг с другом. Король Эралинор, видя, как дочь светится даже в самых скучных совещаниях, подошёл к Фреймору однажды вечером, когда коридоры опустели, а свечи горели ровно и спокойно. — Вы не пытаетесь сделать её тенью своего трона, — сказал он прямо, без придворной мягкости. — И не пытаетесь стать её щитом, который закрывает весь свет. Вы хотите идти рядом. Это редкость. И это самое правильное, что может быть у правителей. Фреймор чуть склонил голову, не из почтения к титулу, а из уважения к отцовскому сердцу. — Я люблю её не за то, кем она станет. Я люблю её за то, кто она есть. И хочу, чтобы в день свадьбы все увидели именно это. Эралинор молча положил руку ему

на плечо — просто, поотцовски. — Тогда давайте сделаем так, чтобы день был не про то, сколько золота на стенах, а про то, сколько света в их глазах. Церемонию решили провести на рассвете — не в душном зале, а там, где небо встречается с землёй: на широкой террасе, выходящей на холмы. Мастера расставили арки из живых ветвей, перевитых серебристыми лентами и цветами, которые пахнут так, будто в них живёт утро. По краям террасы зажгли фонари, но не для того, чтобы разогнать тьму, а чтобы подчеркнуть: рассвет уже близко, и он идёт сам. Советники пытались вставить привычные фразы: «нужно больше стражи», «нужно больше свитков», «нужно, чтобы все видели, насколько это важно». Но ЛиаЭра мягко, но твёрдо отвечала: — Пусть видят не свитки. Пусть видят, как он на меня смотрит. Пусть видят, как я на него смотрю. Этого хватит. И когда наступил день, всё было готово. Не идеально, не по учебнику, но так, как бывает, когда в дело вложена душа. ЛиаЭра надела платье, и оно легло на неё, как обещание: лёгкое, но сильное. В волосах у неё были не тяжёлые диадемы, а тонкая серебряная лента с крошечными звёздами — такую мог бы сплести мальчишка, влюблённый в небо. А в потайном кармане лежала одна медовая лепёшка. На всякий случай. Фреймор вышел в доспехах, которые не звенели, а дышали. На наплечниках сверкали звёзды, на поясе лежала лента её цвета, а в глазах было столько нежности, что у ЛиаЭры на мгновение перехватило дыхание. Они встретились у арки — не спеша, будто давая себе время запомнить этот миг: как пахнет утро, как шелестят листья, как солнце касается их лиц. — Ты прекрасна, — прошептал Фреймор, когда подошёл совсем близко. — А ты выглядишь так, будто готов сжечь любую тьму, — улыбнулась она. — Но сегодня пусть она подождёт. Сегодня у нас другой свет. Священник начал говорить слова, древние и простые, про пути, про верность, про то, что союз — это не только клятва перед людьми, но и перед миром. А они смотрели друг на друга, и в их взглядах были свои собственные клятвы — те, что не запишут в свитках, но которые будут жить в каждом их шаге. Когда пришло время сказать «да», они сказали это одновременно, чуть улыбнувшись, будто знали какойто общий секрет. А потом Фреймор осторожно взял её руку, поднёс к губам и поцеловал — не для публики, а для неё одной. — С этого дня и дальше, — прошептал он так, чтобы слышала только она. — Мы идём вместе. По холмам, по дорогам, по бурям. И даже если небо потемнеет, я буду искать твой свет. А ты — мой. ЛиаЭра чуть наклонила голову, и в её глазах блеснуло то самое упрямство, которое он так любил. — И если вдруг захочется сбежать с приёма, чтобы поесть лепёшек на склоне холма — я с тобой. Он тихо рассмеялся, и этот смех был громче любого фанфара. — Всегда. Терраса взорвалась аплодисментами, цветами, светом, но для них этот шум был просто фоном — фоном к тому, что уже случилось: они выбрали друг друга. Не из долга, не из политики, не из страха. А из любви, такой сильной, что она могла удержать даже самую древнюю тьму. А когда праздник стих, когда гости разошлись, а звёзды высыпали на небо, как серебряные монеты, они снова поднялись на свой холм. Сели на траву, достали ту самую медовую лепёшку и поделили её пополам. — Знаешь, — тихо сказала ЛиаЭра, прижимаясь к его плечу, — я думала, что свадьба — это конец пути. А теперь понимаю: это начало. Начало наших собственных историй. наших холмов. наших рассветов. Фреймор обнял её, притянул ближе и прошептал в волосы: — И наших лепёшек. Она рассмеялась, а потом затихла, слушая, как бьётся его сердце — ровно, сильно, рядом. И поняла: вот он, её дом. Не стены, не трон, не титул. А человек, который смотрит на неё так, будто она — весь его мир. И в эту ночь, под бескрайним небом, они знали: впереди ещё много дорог. Но теперь они точно знали: они пройдут их вместе. Рассвет в день свадьбы был особенным — будто сама природа решила не торопиться и растянуть это утро на целую вечность. Небо переливалось всеми оттенками: от глубокого фиолетового у горизонта до нежно-розового там, где солнце только собиралось показаться. Воздух был прохладным, пах влажной травой, мёдом и чемто едва уловимым, похожим на предвкушение чуда. ЛиаЭра стояла у окна своих покоев и смотрела, как свет медленно заливает дворцовые сады. В этот момент она не чувствовала ни тяжести короны, ни веса ожиданий — только лёгкое, звенящее

волнение, от которого хотелось одновременно смеяться и замирать, чтобы не спугнуть этот миг. В дверь тихо постучали, и вошла Иллира с маленьким свёртком. — Это не часть платья, — улыбнулась мастерица, протягивая его ЛиаЭре. — Это для сердца. Внутри оказалась тонкая серебряная лента, сплетённая так искусно, что казалось, будто её ткали из лунного света. На одном конце был крошечный узелок — символ верности, который в их краю завязывали матери дочерям перед важными днями. — Моя бабушка говорила, что такая лента хранит не только волосы, но и мысли, — тихо сказала Иллира. — Чтобы в самый важный момент ты помнила: ты не одна. ЛиаЭра прижала ленту к груди, а потом бережно вплела её в причёску, поверх тонкой звёздной диадемы. Это было почти незаметно, но для неё — самое важное. Когда она наконец вышла к террасе, где должна была состояться церемония, всё вокруг замерло на мгновение. Арки из живых ветвей были увиты серебристыми лентами и цветами, которые раскрывались только на рассвете. Между колонн висели фонари, и их мягкий свет смешивался с солнечными лучами, создавая ощущение, будто терраса парит между небом и землёй. Гости стояли тихо, не перешёптываясь, не шурша одеждами — будто боялись нарушить эту хрупкую красоту. И среди всех лиц ЛиаЭра сразу нашла одно: Фреймора. Он стоял у арки, чуть в стороне от советников и генералов, и смотрел только на неё. В его взгляде не было ни волнения, ни суеты — только спокойная уверенность человека, который точно знает, чего хочет. Его доспехи были отполированы до мягкого блеска, на наплечниках сверкали выгравированные звёзды, а на поясе лежала лента её цвета — не как украшение, а как обещание: мы идём вместе. Когда ЛиаЭра подошла, он не поклонился, не отступил, не попытался сделать этот момент слишком торжественным. Вместо этого он просто протянул ей руку — так, как делал это сотни раз: просто, без пафоса, как будто это самое естественное движение на свете. — Ты сегодня похожа на рассвет, — тихо сказал он, когда она вложила свою ладонь в его. — Такой, который обещает, что ночь закончилась. Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что даже свечи у арок будто стали гореть ярче. Священник начал церемонию, и его голос звучал не как строгий приговор судьбы, а как тихая песня, сплетающая два пути в одну дорогу. Он говорил о ветрах, которые меняют направление, о звёздах, которые светят для двоих, о дорогах, которые становятся легче, если идти по ним рядом. А потом пришло время клятв. Не тех, что пишут на пергаменте, а тех, что рождаются в сердце и звучат только для одного человека. Фреймор шагнул чуть ближе, так, чтобы слышать только её дыхание, и сказал: — Я клянусь, что буду рядом не только тогда, когда мир будет улыбаться нам, но и когда он будет бросать в нас камни. Я клянусь, что не стану прятать тебя за своей спиной, потому что ты — не слабость, которую нужно защищать, а сила, с которой мы становимся непобедимыми. И я клянусь, что даже когда годы покроют наши волосы серебром, я всё равно буду смотреть на тебя так, будто вижу впервые. ЛиаЭра чуть склонила голову, и её голос прозвучал ровно, но в нём дрожала та самая страсть, которая рождается из доверия: — Я клянусь, что никогда не буду выбирать между долгом и тобой, потому что ты и есть мой долг. Мой выбор. Мой путь. Я клянусь, что в самые тёмные ночи я буду зажигать для тебя звёзды, даже если придётся отдать для этого весь свой свет. А в самые светлые дни я буду напоминать тебе, что можно просто остановиться, вдохнуть запах травы и сказать: «Сегодня хорошо». И я клянусь, что, сколько бы дорог ни лежало перед нами, я всегда буду возвращаться к тебе. Даже если мне придётся пройти весь мир, чтобы снова найти твою руку в темноте. Они обменялись кольцами — простыми, без тяжёлых камней, но с тонкой гравировкой: на его кольцо были выведены звёзды, на её — дороги. Два символа, которые теперь стали одним узором. И когда священник наконец произнёс: «Теперь вы — одно целое», они не бросились друг к другу в порывистом объятии. Вместо этого они просто посмотрели друг на друга, и в этом взгляде было больше слов, чем могли бы сказать все поэты мира. Потом начался праздник. Не пышный, не оглушающий фанфарами, а тёплый и живой. На столах стояли блюда, которые они любили: медовые лепёшки, пироги с ягодами, пряные сыры и фрукты, привезённые издалека. Музыканты играли не торжественные марши,

а мелодии, под которые хочется танцевать босиком по траве. Король Эралинор подошёл к ним, обнял дочь, потом положил руку на плечо Фреймору и тихо сказал: — Вы сделали этот день не просто днём союза двух домов. Вы сделали его днём любви. А это самое редкое и самое ценное, что может быть у правителей. Ближе к вечеру, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в тёплые оттенки золота и аметиста, ЛиаЭра и Фреймор незаметно выскользнули из шумного зала. Они шли по тропинке, которая вела к их холму, и смеялись над тем, как странно было идти, не оглядываясь на стражу, не думая о протоколах, не проверяя, правильно ли они держат головы. На вершине холма они остановились, сели на траву и достали ту самую медовую лепёшку, которую ЛиаЭра спрятала в потайной карман ещё утром. — На удачу, — улыбнулась она, разламывая её пополам. Фреймор взял свою половину, откусил и вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то. — Знаешь, что я сейчас чувствую? — спросил он, глядя на утасающий закат. — Не усталость от этого дня. Не волнение от того, что впереди. А... покой. Такой, какого у меня никогда не было. Будто весь мир наконец-то встал на своё место. ЛиаЭра прижалась плечом к его плечу, чувствуя, как тепло его тела прогоняет вечерний холодок. — А я чувствую, что теперь у меня есть дом. Не дворец. Не трон. А ты. И этот холм. И эти звёзды. И даже эта лепёшка. Он тихо рассмеялся, обнял её и притянул ближе. — Тогда пусть это и будет нашим домом. Место, куда мы всегда будем возвращаться. Даже если весь мир будет звать нас в разные стороны. Они сидели так долго, пока последние лучи солнца не погасли, а небо не стало тёмносиним, усыпанным звёздами. И когда наконец встали, чтобы вернуться во дворец, их шаги были не торопливыми, а уверенными — шагами людей, которые знают: что бы ни ждало их впереди, они встретят это вместе. Ночь после свадьбы опустилась на дворец тихо, почти незаметно — будто сама тьма решила не спорить с этим днём и уступила место чему-то более мягкому: шёпоту ветра, далёкому крику совы, мерцанию звёзд, которые сегодня казались особенно близкими. ЛиаЭра стояла у окна в своих новых покоях — теперь уже их покоях — и смотрела, как лунный свет ложится на каменные плиты, рисуя на них серебряные узоры. Платье она сняла, оставшись в простой льняной рубашке, которую сама выбрала ещё до свадьбы: не ради красоты, а ради того, чтобы в эту ночь чувствовать себя не принцессой, а собой. В волосах всё ещё оставалась тонкая серебряная лента — та самая, что подарила Иллира. ЛиаЭра не стала её снимать: пусть будет напоминанием, что она не одна. Фреймор вошёл тихо, будто боялся спугнуть этот миг. На нём уже не было парадных доспехов, только простая рубашка и мягкие штаны — так, как он ходил в походах, когда между ним и миром не стояло ни титулов, ни церемоний. Он остановился на пороге, не решаясь сделать шаг, и ЛиаЭра вдруг поняла: он волнуется. Не меньше, чем она. И от этого её собственное волнение стало не колючим, а тёплым, почти ласковым. — Можно? — спросил он, кивнув на окно, будто просил разрешения войти не в комнату, а в её тишину. Она улыбнулась и чуть подвинулась, освобождая ему место у подоконника. — Здесь всегда самый лучший вид. Он встал рядом, не слишком близко, но так, что она чувствовала тепло его плеча. Они смотрели на луну, и в этом молчании не было неловкости — только редкая, драгоценная возможность просто быть рядом, без слов, без обязанностей, без необходимости что-то доказывать. Потом Фреймор тихо вздохнул и сказал: — Знаешь, весь день я думал, что самое трудное — это произнести клятву перед всеми. А оказалось, самое трудное сейчас. Потому что теперь не нужно никого убеждать. Теперь нужно просто сказать правду. А она иногда тяжелее любых речей. ЛиаЭра чуть склонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, что пряталось за ними. — Правда — это когда ты говоришь: «Я устал». Или: «Мне страшно». Или: «Я так рад, что ты здесь». Вот это и есть правда. И сегодня мы можем её говорить. Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько благодарности, что у неё на мгновение перехватило дыхание. — Спасибо, — прошептал он. — За то, что ты не требуешь от меня быть сильнее, чем я есть. За то, что позволяешь мне быть просто человеком. Она чуть потянулась и осторожно коснулась его руки — не для страсти, а для того, чтобы сказать без слов: «Я здесь. Ты не один». — А ты

спасибо за то, что не даёшь мне забыть, что я тоже просто человек. Что я могу устать. Могу бояться. Могу просто хотеть сидеть вот так, смотреть на луну и знать, что рядом есть тот, кто не станет меня за это осуждать. Они сели на широкий подоконник, свесив ноги, как дети, которым хочется дотянуться до звёзд. Фреймор достал из кармана маленький свёрток. — Я спрятал её ещё утром, — улыбнулся он, разворачивая бумагу. — Ту самую медовую лепёшку. Решил, что если день будет слишком громким, слишком важным, слишком правильным, мне понадобится что-то простое. Что-то наше. ЛиаЭра рассмеялась тихо, почти беззвучно, и этот смех был для него слаще любой музыки. — Ты гений, — прошептала она, отламывая кусочек и протягивая ему. — Пусть этот день запомнится не только клятвами, но и этим. И тем, что мы сидели на подоконнике, ели лепёшку и смотрели на луну. Они ели, передавая друг другу крошки, смеялись над тем, как липнет мёд к пальцам, и вытирали их краем рубашек, не думая о том, как это выглядит. И в этой простоте было больше торжества, чем во всех парадных залах. Потом ЛиаЭра потянулась, зевнула, и Фреймор тут же встревожился: — Ты устала. Тебе надо отдохнуть. Она покачала головой, но в этом жесте не было упрямства — только желание ещё немного продлить этот миг. — Не хочу, чтобы он закончился. Пусть ещё чуть-чуть побудет только нашим. Без короны. Без границ. Без врагов. Он кивнул, понимая. Сел рядом, прислонившись спиной к стене, и осторожно притянул её к себе, так, чтобы она могла положить голову ему на плечо и чувствовать, как ровно и сильно бьётся его сердце. — Тогда пусть будет так, — тихо сказал он. — Мы просто посидим. И будем слушать, как ночь дышит. И они сидели, пока луна не поднялась выше, а звёзды не стали ярче. ЛиаЭра постепенно расслабилась, её дыхание стало глубже, спокойнее. Фреймор чувствовал, как она засыпает у него на плече, и ему хотелось замереть, чтобы не спугнуть этот сон. Он осторожно накинул на неё лёгкий плед, потом провёл ладонью по её волосам, убирая прядь, которая упала на лицо. — Спи, — прошептал он, целуя её в висок, едва касаясь, как будто боялся, что даже это прикосновение может оказаться слишком громким для ночи. — Я побуду здесь. Я буду слушать, как ты дышишь. И буду смотреть на звёзды. И буду думать о том, что сегодня я самый счастливый человек на свете. Потому что ты моя. И я твой. И это не про корону. Это про нас. Когда ЛиаЭра наконец уснула, он ещё долго сидел, не шевелясь, боясь нарушить её покой. Потом осторожно поднял её на руки и отнёс к кровати, укрыл одеялом, подоткнул края, как делала его бабушка, когда он был маленьким и боялся темноты. И только потом лёг рядом, не слишком близко, чтобы не разбудить, но так, чтобы чувствовать её тепло. Перед тем как закрыть глаза, он посмотрел на её лицо, освещённое лунным светом, и прошептал: — Спасибо тебе за этот день. За эту ночь. За то, что ты есть. Ночь тихо обнимала их, сплетая тени и свет, шёпот ветра и ровное дыхание двух людей, которые наконец-то нашли свой дом друг в друге. И когда первые лучи рассвета начали пробиваться сквозь ставни, Фреймор улыбнулся во сне — впервые за долгое время без тревоги, без тяжести, без страха. Просто от того, что рядом спала она. Его ЛиаЭра. Его жена. Его любовь. Утро выдалось серым и прохладным — будто само небо знало, что день будет не про праздники, а про долг. Ещё до рассвета в покои тихо постучал гонец — не в парадных доспехах, а в дорожной пыли, с печатью Южного королевства на рукаве. Письмо было коротким, но каждое слово в нём било точно в сердце: король болен, силы его тают, совет растерялся, и замок ждёт наследника. Фреймор прочёл эти строки, и лицо его стало спокойным — но в глазах мелькнуло то самое напряжение, которое появляется у человека, когда детство наконец-то заканчивается и начинается правление. Он поднял взгляд на ЛиаЭру: она уже стояла у окна, в дорожном плаще, с косой, туго заплетённой, чтобы ветер не мешал думать. — Я поеду с тобой, — сказала она просто, без пафоса, будто речь шла не о том, чтобы бросить всё и мчаться в чужой, наполовину враждебный замок, а о том, чтобы просто не отпускать его руку на крутой тропе. — Ты не поедешь туда один. Не сейчас. Он хотел было возразить — привычка защищать, привычка брать тяжесть на себя тянула его сказать: «Тебе не нужно. Это моя дорога». Но он остановился на полуслове, потому что увидел: она не

просит разрешения. Она просто ставит себя рядом. И в этом «рядом» было больше силы, чем в любом указе. — Спасибо, — тихо сказал он и подошёл, чтобы поправить воротник её плаща, хотя в этом не было нужды — просто чтобы коснуться, чтобы на мгновение почувствовать: они ещё могут быть просто двумя людьми, прежде чем станут королём и королевой. — Я боялся, что придётся выбирать между долгом и тобой. А ты не даёшь мне этого выбора. Ты делаешь его проще. Ты делаешь его правильным. Она чуть улыбнулась, но улыбка вышла не весёлой, а собранной — как у воина, который застёгивает пряжку перед боем. — Мы не выбираем между долгом и любовью. Мы берём любовь с собой, как щит. Пусть она будет там, где все будут говорить только о границах и налогах. Пусть она напомнит, ради чего мы всё это делаем. Дорога была долгой и неласковой. Ветер гнал по полям холодные волны, небо то и дело роняло редкие капли дождя, а леса стояли тёмными стенами, будто не хотели пускать их к замку. Но даже в этой серости было своё утешение: они ехали бок о бок, и когда дорога становилась слишком крутой или скользкой, Фреймор протягивал руку — и ЛиаЭра брала её, не раздумывая. На одной из стоянок, когда коней напоили и дали им немного травы, они сели на поваленное дерево, завернувшись в тёплые плащи. Фреймор достал из сумки ту самую медовую лепёшку — последнюю из тех, что они прятали от праздника. — На удачу, — улыбнулся он, разламывая её пополам. ЛиаЭра взяла кусочек, откусила и вдруг рассмеялась — тихо, но искренне. — Знаешь, если бы кто-нибудь из советников увидел нас сейчас: мокрых, усталых, жующих лепёшку на обочине... они бы сказали, что мы не похожи на правителей. Фреймор прищурился, глядя на горизонт, где уже темнел силуэт замка. — А я скажу, что именно так и выглядят настоящие правители. Те, кто не боится быть просто людьми. Потому что если ты не можешь сидеть на мокром бревне и есть лепёшку, ты не сможешь понять, почему крестьянин плачет, когда у него гибнет урожай. Она прижалась плечом к его плечу, и этот простой жест согрел лучше любого костра. Замок Южного королевства встретил их не фанфарами, а тишиной — тяжёлой, тревожной, пропитанной запахом лекарств и воска. Стражники у ворот склонились, но не радостно, а устало, как люди, которые слишком долго ждали хороших новостей. В коридорах было непривычно пусто: вместо шумных слуг — шёпот, вместо смеха — торопливые шаги. В тронном зале их встретил главный советник, седой и прямой, будто сам был высечен из камня. — Принц Фреймор, — произнёс он, склоняясь, но в голосе не было ни торжества, ни радости — только облегчение, смешанное с тревогой. — Мы ждали вас. Король держится, но силы его уходят. Он хочет видеть вас. И... он просил, чтобы с вами была ваша супруга. Будто знал, что вам будет легче вместе. Фреймор кивнул, не тратя слов на пустые вопросы. ЛиаЭра чуть сжала его руку — один короткий жест, означающий: «Я здесь. Мы справимся». Король лежал в своих покоях, окружённый свечами и травами, которые должны были отгонять хворь. Лицо его было бледным, но глаза — всё такими же острыми, как у сокола. Когда Фреймор вошёл, он чуть приподнялся на подушках, и в этом движении было столько воли, что даже болезнь на мгновение отступила перед ней. — Сын мой, — прошептал король, и голос его звучал слабее, чем Фреймор помнил, но в нём всё ещё слышалась власть — не та, что держится на страхе, а та, что рождается из ответственности. — Наконец-то ты дома. Не как мальчик, который бежит по коридорам. А как тот, кто должен их удержать. Фреймор опустил на одно колено, но не для поклона, а чтобы быть ближе, чтобы отец мог видеть его лицо. — Я здесь, отец. И я не подведу. Король медленно перевёл взгляд на ЛиаЭру, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку. — А это твоя королева. Я рад. Правителю нужен не только меч. Ему нужен голос, который напомнит, что за стенами замка живут люди. Что у них есть имена и мечты. Пусть она будет рядом. Пусть вы будете править вместе. ЛиаЭра подошла ближе, не как просительница, а как равная, и тихо, но твёрдо сказала: — Мы будем править так, чтобы вы могли нами гордиться. И чтобы люди в ваших землях знали: их слышат. Король прикрыл глаза, будто эти слова дали ему сил, которых не давали никакие травы. — Хорошо, — прошептал он. — Теперь я могу немного отдохнуть. Теперь

я знаю, что замок в надёжных руках. Когда они вышли в коридор, Фреймор на мгновение прислонился лбом к холодному камню стены. ЛиаЭра не стала спрашивать: «Ты в порядке?» Она просто встала рядом, плечом к плечу, и ждала, пока он соберётся. — Это тяжелее, чем битва, — признался он наконец, не глядя на неё, будто стыдился этой слабости. — На поле боя ты видишь врага. Ты знаешь, куда бить. А здесь... здесь враг — это тишина. Это усталость. Это люди, которые смотрят на тебя и ждут, что ты всё исправишь. Она взяла его лицо в ладони — не нежно, а твёрдо, так, чтобы он посмотрел ей в глаза. — Тогда мы не будем исправлять всё сразу. Мы будем делать по одному шагу. Сегодня — узнаем, что болит у замка. Завтра — начнём лечить. А сегодня... сегодня мы просто скажем всем, что мы здесь. Что мы не бросим. И они пошли по коридорам, не как хозяева, спешащие раздавать приказы, а как люди, которые хотят понять свой дом. Заглядывали в кухни, где повара хмуро мешали похлёбку, потому что зерно было скудным. Заходили в казармы, где стражники не знали, чего ждать. Разговаривали с лекарями, которые устали бороться с болезнью, которая не хотела уходить. И везде, где они появлялись, лица чуть светлели — не потому что люди верили, что всё сразу станет хорошо, а потому что видели: правители не прячутся. Они здесь. Они слушают. А ночью, когда замок наконец затих, они стояли на крепостной стене, глядя на тёмные поля, на редкие огоньки деревень, на звёзды, которые казались здесь особенно далёкими и холодными. Фреймор обнял ЛиаЭру, притянув к себе, чтобы согреть. — Иногда мне кажется, что я не готов к этому, — тихо признался он. Она положила голову ему на плечо и прошептала: — Никто не бывает готов. Но ты не один. И это меняет всё. Он улыбнулся в темноту, и эта улыбка была не победной, а спокойной — как у человека, который наконец понял: он не должен быть идеальным. Он должен быть настоящим. И быть рядом с тем, кто верит в него даже тогда, когда он сам сомневается. — Завтра мы соберём совет, — сказал он, уже не как испуганный сын, а как будущий король. — И мы начнём. Шаг за шагом. ЛиаЭра крепче сжала его руку. — Шаг за шагом, — повторила она. — А если станет тяжело — вспомни про лепёшку. Про наш холм. Про то, что есть вещи, ради которых стоит держаться. Ветер шевелил их плащи, замок тихо дышал вокруг, и в этой тишине было обещание: они справятся. Не потому что они сильнее всех. А потому что они — вместе. Дни тянулись ровной, тяжёлой поступью. Фреймор и ЛиаЭра не сидели в тронном зале, раздавая приказы. Они ходили по замку и по деревням, слушали. В одной из деревень к ним подошла старуха в поношенном плаще, с глазами, в которых усталость смешалась с надеждой: — Мы не просим золота, — сказала она, не кланяясь, а глядя прямо, как смотрят те, кто слишком долго терпел. — Мы просим, чтобы нас слышали. В этом году поля легли под тенью, скот болеет, а в лесу шепчут, что тьма подбирается ближе. Мы держимся, потому что верим: тот, кто правит, знает, где мы живём. ЛиаЭра опустила на колено, чтобы быть на одном уровне с ней, и тихо спросила: — Как зовут твоего внука, который каждый день ходит к ручью проверять, не почернела ли вода? Старуха вздрогнула, будто услышала чудо. — Арин. — Я запомню, — прошептала ЛиаЭра. — И мы проверим ручей. И принесём травы для скота. И не оставим вас одних. Фреймор стоял рядом, и в груди у него что-то сжималось от этой простоты: не «мы спасём королевство», а «мы проверим ручей». Это и было правление — не громкое, но настоящее. Они возвращались в замок, когда гонец догнал их на дороге. Лицо у него было серым, будто он нёс не письмо, а кусок самой тьмы. — Король... — прохрипел он, едва переводя дыхание. — Он ушёл. Тихо. Без криков. Как и подобает королю. Похороны по обычаю фейри были не плачем, а песней. В ночь перед погребением все, кто мог, вышли на поляну у древнего дуба — и не с факелами, а с крошечными фонариками из прозрачного стекла, внутри которых горели не угли, а светлячки. Фейри верили: душа не уходит в темноту, она растворяется в свете, который мы дарим друг другу. Музыканты играли на инструментах из дерева и серебра — мелодии были не скорбными, а протяжными, как дорога, по которой душа уходит дальше. Женщины плели венки из белых цветов и серебристых трав, мужчины зажигали фонарики и

передавали их из рук в руки, пока не образовалось кольцо света вокруг дуба. Король Эралинол лежал на носилках из полированного дуба, укрытый плащом, расшитым звёздами. Его лицо было спокойным, будто он наконец-то позволил себе отдохнуть от тяжести трона. Когда главный жрец начал говорить, его голос звучал не как приговор, а как благословение: — Пусть твоя мудрость станет корнями этого дуба. Пусть твоя сила станет ветром, что качает его ветви. Пусть твоя любовь станет светом, который не гаснет даже в самую долгую ночь. И тогда все, кто пришёл, подняли свои фонарики выше, и поляна вспыхнула тысячами крошечных огней — как звёздное небо, упавшее на землю. Фреймор стоял у носилок, не пряча слёз, но и не падая на колени. Он смотрел на отца и шептал слова, которые никто не слышал, но которые были самыми важными: — Я буду править так, чтобы ты мог мной гордиться. Не потому что я хочу быть сильным, а потому что я буду помнить, ради чего это всё. ЛиаЭра стояла рядом, держа его за руку. Её пальцы были холодными, но хватка — крепкой, как обещание: «Я не отпущу». Когда ночь стала глубокой, носилки медленно опустили в землю, под корни дуба, и сверху положили плоские камни, на которых выбили не титулы, а простые слова: «Он слушал. Он защищал. Он любил». А потом люди стали расходиться, унося с собой фонарики, и светлячки летели над тропинками, как маленькие души, которые не хотели оставлять живых одних. День коронации пришёл тихо, без фанфар. Вместо золотых корон Фреймору и ЛиаЭре на головы возложили венки из серебряной лозы и звёздных цветов — по обычаю, который говорил: «Ты не выше земли. Ты — её часть». Советники хмурились: — Это не подобает величию короны! Но старый жрец, который проводил обряд, лишь покачал головой: — Величие не в золоте. Величие — в том, чтобы слышать шёпот травы и не отворачиваться от слёз ребёнка. Пусть их венки будут из лозы. Пусть они помнят: трон — это не пьедестал. Это ответственность. И когда жрец произнёс: «Да будут они хранителями этого мира», тысячи голосов повторили эти слова, и эхо прокатилось по холмам, как гром, который не пугает, а обещает: мир держится. А на следующий день тьма пришла. Не как туман, не как буря, а как тишина, которая высасывала звуки: птицы замолкали, ручьи становились чёрными, деревья роняли листья, будто знали, что им не пережить эту ночь. Разведчики примчались в замок с глазами, полными ужаса: — Она идёт. Не орда. Не армия. Сама тьма. И она пожирает свет. Фреймор и ЛиаЭра вышли на стену замка, и перед ними раскинулась картина, от которой стыла кровь: горизонт почернел, и эта чернота ползла, как живое существо, заглатывая поля, леса, деревни. — Мы должны встретить её там, где она ещё не стала слишком сильной, — сказал Фреймор, голос его звучал твёрдо, но в нём не было ни злобы, ни жажды битвы — только решимость. — На перевале, где свет ещё держится. ЛиаЭра кивнула. Она уже знала, что будет делать. — Я возьму с собой тех, кто умеет видеть в темноте. Тех, кто знает, как шептать ветру. Мы не будем сражаться только мечами. Мы будем сражаться светом. Армия собралась быстро, но не так, как в старых легендах: не только рыцари в доспехах, но и лекари, и травницы, и даже дети, которые умели находить тропы там, где взрослые терялись. Потому что эта битва была не за славу — она была за жизнь. На перевале тьма встретила их рёвом, который был не звуком, а отсутствием звука — пустотой, которая хотела поглотить всё. Первые ряды дрогнули, когда чернота коснулась их щитов, и металл почернел и рассыпался, будто его никогда не было. Тогда ЛиаЭра вышла вперёд, не в доспехах, а в простом плаще, и подняла руки. Вокруг неё вспыхнули крошечные огоньки — не магия силы, а магия памяти: светлячки, собранные в банках, фонарики из деревень, даже искры от кремня, которые дети носили в карманах. Она прошептала слова, которые выучила у старой жрицы: — Свет — это не только солнце. Свет — это память о тех, кто нам дорог. Это смех ребёнка. Это запах травы. Это рука, которую ты держишь. Пусть этот свет будет нашим щитом. И огоньки не погасли. Наоборот, они стали ярче, будто питались не воздухом, а любовью, которая жила в этих людях. Тем временем Фреймор сражался не как принц, а как воин, который знает: за его спиной не только замок, но и те, кого он обещал защищать. Его клинок не рубил тьму — он рассекал её, и там, где сталь касалась черноты, появлялись

тонкие нити света, как трещины в стекле. Но тьма была хитра. Она не била в лоб. Она искала слабость. И нашла её. Молодой стражник, который только вчера принёс ЛиаЭре букет полевых цветов, шагнул вперёд, чтобы прикрыть её, когда из черноты вырвалась когтистая тень. Он не успел увернуться. Тень ударила, и он упал, а тьма на мгновение стала ярче, будто радовалась этой жертве. ЛиаЭра закричала не от страха, а от боли, которая была сильнее любой раны. Она бросилась к нему, но Фреймор оказался быстрее. Он встал между ней и тьмой, и его клинок вспыхнул так ярко, что даже тьма отшатнулась. — Нет! — крикнул он, и голос его был громче любого грома. — Ты не заберёшь то, что нам дорого! И в этот момент что-то изменилось. Не потому что он был сильнее, а потому что в его словах была правда, которую тьма не могла поглотить: любовь сильнее страха. ЛиаЭра, стоя на коленях рядом с раненым стражником, положила руки ему на грудь и прошептала: — Ты не умрёшь. Я не позволю. Не сегодня. Не так. Светлячки вокруг неё взметнулись вверх, как стая птиц, и окутали стражника сиянием. Его дыхание стало ровнее, а рана — меньше. Тьма зашипела, будто обожглась. И тогда люди, стоявшие вокруг, поняли: они могут сражаться не только мечами, но и памятью, и любовью, и простыми вещами, которые делают мир живым. Женщины запели колыбельную, которую пели детям, когда те боялись темноты. Старики стали рассказывать истории о героях, которые побеждали не силой, а добротой. Дети зажгли фонарики и подняли их над головами. Тьма дрогнула. Она не привыкла к этому оружию. Она привыкла к страху, к одиночеству, к отчаянию. А здесь было тепло. Здесь были голоса. Здесь была жизнь. Фреймор шагнул вперёд и ударил клинком в самое сердце тьмы — не чтобы убить, а чтобы рассечь. И когда сталь коснулась черноты, та взорвалась не огнём, а тишиной — но не мёртвой, а живой, как тишина после грозы, когда мир дышит заново. Чернота рассыпалась, как пепел, и унеслась ветром, и на её месте осталось чистое небо и первые лучи рассвета. Люди кричали, обнимались, плакали и смеялись одновременно. Но Фреймор и ЛиаЭра не спешили праздновать. Они подошли к стражнику, который теперь сидел, опираясь на щит, бледный, но живой. — Спасибо, — прошептал он, глядя на них с изумлением, будто не верил, что выжил. — Я думал, что умру. ЛиаЭра улыбнулась, и в её улыбке было столько света, что он, наверное, запомнит его до конца своих дней: — Ты выжил, потому что мы не позволили тебе уйти. Потому что ты — часть этого мира. А мы защищаем свой мир. Когда они вернулись в замок, солнце стояло высоко, и тени были короткими, будто стыдились своей прежней длины. На ступенях их ждали люди — не с прошением, а с благодарностью. Старый жрец подошёл к ним и сказал: — Вы победили не потому, что были сильнее тьмы. Вы победили, потому что не позволили ей забрать свет, который живёт в сердцах людей. Фреймор посмотрел на ЛиаЭру, и в его глазах была не усталость, а гордость — не за себя, а за них обоих. — Знаешь, что я хочу сейчас больше всего на свете? — тихо спросил он. Она улыбнулась, уже догадываясь: — Медовую лепёшку. На нашем холме. Он рассмеялся, и этот смех был лучшим доказательством того, что тьма действительно ушла. — Именно. Они поднялись на свой холм, сели на траву, достали последнюю лепёшку и разделили её пополам. Солнце грело им спины, ветер шептал в траве, а мир, который они спасли, тихо дышал рядом. — Мы сделали это, — прошептала ЛиаЭра, прижимаясь к его плечу. — Мы сделали это вместе, — поправил он, обнимая её крепче. — И будем делать дальше. Каждый день. Шаг за шагом. И они сидели так долго, пока небо не стало золотистым, а тени — длинными. И знали: впереди ещё много дорог, много битв, много забот. Но теперь они точно знали: пока они вместе, свет не погаснет. Восстановление началось не с указов и не с больших планов на пергаменте, а с малого — с того, что можно было увидеть, потрогать, почувствовать. С запаха свежей соломы в хлеву. С треска дров, которые раскалывали, чтобы согреть остывшие дома. С детского смеха, который снова зазвучал на деревенских улицах, будто и не было той тьмы, что пыталась его заглушить. Фреймор и ЛиаЭра не стали сидеть в замке и раздавать распоряжения издалека. Они снова ездили по деревням, но теперь не как те, кто пришёл выслушать беду, а как те, кто пришёл помочь её исправить.

В одной из деревень, где ручей почернел от прикосновения тьмы, ЛиаЭра ходила вместе с травницами вдоль берега, собирала камни, которые стали серыми и холодными, и складывала их в корзины. — Мы не можем просто ждать, пока природа забудет, что здесь было, — говорила она, вытирая руки о плащ. — Мы должны напомнить ей, как выглядит жизнь. Они сажали у воды ивы — тонкие, гибкие, с листьями, которые будто ловили свет. А рядом сеяли травы, чьи корни умели вытягивать из земли всё тёмное и превращать его в силу. Старуха, которая когда-то говорила им про ручей, смотрела на это и качала головой: — Никогда не думала, что королева будет стоять по колено в грязи и сажать деревья. ЛиаЭра улыбнулась, отряхивая землю с ладоней: — Королева — это не та, что стоит высоко. Королева — это та, что не боится испачкаться, если это поможет людям снова пить чистую воду. Фреймор тем временем работал там, где требовалась грубая сила и простая честность. Он вместе с плотниками поднимал рухнувшие крыши, помогал ставить новые балки, вбивал гвозди, чувствуя, как под ладонями оживает дерево. Однажды молодой парень, который только недавно вернулся из ополчения, тихо спросил его: — А зачем вы это делаете? Вы ведь теперь король. Вам не положено махать топором. Фреймор отложил инструмент, вытер лоб рукавом и посмотрел парню прямо в глаза: — Потому что если я научусь стоять рядом и держать доску, пока ты её прибиваешь, ты поймёшь: я не жду, что ты будешь делать всё один. Мы все теперь держим этот мир. Каждый по кусочку. Парень кивнул, и в этом кивке было больше уважения, чем в любом поклоне. Вечерами, когда солнце садилось, а в воздухе начинала витать прохлада, они возвращались в замок — усталые, в пыли, с поцарапанными руками, но с тем особенным спокойствием, которое приходит, когда день прожит не зря. Иногда ЛиаЭра садилась у окна и молча смотрела, как тени ложатся на двор. Фреймор подходил, ставил рядом чашку тёплого молока с мёдом — он знал, что после тяжёлого дня ей нужно что-то простое, тёплое, домашнее. — Сегодня в деревне дети снова играли у колодца, — тихо говорила она, будто боялась спугнуть это счастье, произнеся его слишком громко. — Они плескали водой и смеялись. Как будто ничего и не было. Фреймор садился рядом, опирался плечом о стену и улыбался: — Именно так и выглядит победа. Не в том, что мы рассекли тьму клинком. А в том, что дети снова смеются у колодца. Она поворачивалась к нему, и в её глазах было столько благодарности, что ему становилось неловко: — За что ты так на меня смотришь? — За то, что ты не прячешься за титулом. За то, что сегодня ты был просто человеком, который помогал чинить крышу. И за то, что рядом с тобой я тоже могу быть просто собой. Он брал её руку, целовал пальцы, пахнущие землёй и травами, и шептал: — Мы делаем это не ради славы. Мы делаем это ради того, чтобы завтра кто-то мог проснуться и сказать: «Сегодня хороший день». Со временем деревни начали оживать не только снаружи, но и изнутри. В одной из них построили общий амбар, куда складывали зерно на случай неурожая. В другой — маленькую лечебницу, где лекари учили местных женщин простым, но важным вещам: как останавливать кровь, как лечить ожоги, как понимать, когда нужно звать на помощь. ЛиаЭра часто приходила туда, не как королева, а как ученица. Она сидела на скамье, слушала, записывала, а потом повторяла вслух, чтобы запомнить: — Если кожа горячая и сухая — это жар. Если человек дрожит, даже когда тепло — это тоже жар, но другой. Нужно не укутывать, а давать пить. Лекарь, седой и строгий, сначала хмурился, а потом вдруг кивнул: — Хорошо. Пусть люди знают. Пусть даже королева знает. Тогда никто не останется один на один с бедой. Фреймор тем временем договаривался с соседними землями о торговле. Не о золоте и не о роскоши, а о самом необходимом: о семенах, о скоте, о железе для плугов. Он ездил на встречи не в парадных одеждах, а в простой куртке, и говорил прямо: — Нам не нужны подарки. Нам нужны семена, которые точно взойдут. Скот, который переживёт зиму. И люди, которые не будут смотреть на нас как на тех, кто всё потерял. И люди отвечали ему тем же: уважением, помощью, иногда даже излишками, которые сами могли бы оставить себе. — Вы не просите жалости, — сказал ему один старый купец, протягивая мешок отборного зерна. — Вы просите возможности встать на ноги. И я рад дать

вам эту возможность. Однажды, спустя несколько месяцев после битвы, они снова поднялись на свой холм. Трава здесь уже была густой и зелёной, цветы распустились, а воздух пах мёдом и свежестью. ЛиаЭра села на траву, расправила плащ и подняла лицо к солнцу. — Знаешь, я думала, что после такой битвы всё сразу станет хорошо. Что тьма уйдёт, и мир снова будет идеальным. Фреймор сел рядом, сорвал травинку и покрутил её между пальцами. — Мир не бывает идеальным. Он бывает живым. А живой мир — это не тот, где нет ран. Это тот, где раны умеют заживать. Она улыбнулась, и эта улыбка была не лёгкой, а настоящей — такой, в которой есть и память о боли, и радость от того, что боль удалось преодолеть. — Ты всегда знаешь, что сказать. — Не всегда, — признался он. — Иногда я просто стараюсь быть рядом. Чтобы ты знала: даже если тебе нечего сказать, я всё равно посижу тут с тобой. Они сидели так долго, слушая, как ветер шепчет в траве, как где-то далеко кричит птица, как мир тихо, но уверенно дышит. А потом ЛиаЭра достала из кармана маленький свёрток. — Я спрятала её ещё утром. На удачу. Внутри была медовая лепёшка — не такая свежая, как раньше, но от этого не менее дорогая. Фреймор рассмеялся, отломил кусочек и протянул ей: — На этот раз ты первая. Она взяла, откусила, закрыла глаза и чуть вздохнула: — Вот это и есть счастье. Просто сидеть на холме. Есть лепёшку. Знать, что деревня снова пьёт чистую воду. И что ты рядом. Он обнял её за плечи, притянул к себе, и они сидели, глядя, как солнце медленно опускается за горизонт, окрашивая небо в тёплые, спокойные цвета. Мир был не идеален. В нём ещё оставались пустые дома, незасеянные поля, усталые лица. Но в нём уже было главное — надежда. И люди, которые не боялись её беречь. Год пролетел незаметно — не как мгновение, а как долгая, выстраданная дорога, где каждый день был наполнен делом, усталостью и тихими радостями. И одной из таких радостей стал их маленький обычай: раз в месяц, в день, когда луна была ещё не полной, но уже яркой, ЛиаЭра и Фреймор уходили на кухню замка — не в парадные залы, а туда, где пахло мукой, мёдом и горячим хлебом. Там, среди медных котлов и деревянных столов, они пекли медовые лепёшки. ЛиаЭра замешивала тесто, смеясь над тем, как оно липло к пальцам, а Фреймор подсыпал муку, стараясь не рассыпать её по полу, и всё равно рассыпал. Потом они резали лепёшки на неровные кусочки — никакой идеальной симметрии, зато в каждом была частичка их смеха. А после разносили их по деревне: детям, старикам, стражникам, которые стояли на стенах и уже не смотрели в темноту с тревогой, а просто следили за покоем. — Это не награда, — говорила ЛиаЭра, протягивая лепёшку мальчику, который теперь каждый день бегал к ручью проверять воду. — Это просто знак: мы помним, что ты здесь. И мы благодарны тебе за то, что ты помогаешь этому миру быть живым. Мальчик улыбался, прижимал лепёшку к груди, будто это был самый драгоценный дар, и убегал, чтобы поделиться с сестрой. А рядом с деревней, на небольшом возвышении, где ветер не гулял слишком сильно, росла школа. Не каменная, не грозная, как крепость, а светлая, с большими окнами, чтобы в классы лился солнечный свет. Плотники ставили балки, каменщики выкладывали стены, а ЛиаЭра сама выбирала, какими будут доски для парт — ровными, но не слишком гладкими, чтобы детям было за что держаться, когда они впервые пытаются вывести буквы. Фреймор ходил по стройке с углём и пергаментом, отмечая, где поставить лавки, где сделать полки для свитков, а где оставить пустое место — чтобы дети могли приносить свои находки: красивые камни, перья птиц, засушенные цветы. — Мы не хотим, чтобы они учились только тому, как держать меч, — говорил он плотнику, который хмурился, не понимая, зачем столько окон. — Мы хотим, чтобы они умели видеть мир. Чтобы знали, как течёт река, почему звёзды стоят на небе, и как слово может быть сильнее любого приказа. Плотник пожимал плечами, а потом вдруг кивал: — Тогда пусть будет светло. Пусть они видят, за что сражаются. В тот день ЛиаЭра пришла на стройку рано, когда туман ещё лежал на траве, а воздух был прохладным и чистым. Она хотела посмотреть, как мастера кладут последние доски на крышу, и представить, как осенью здесь будут сидеть дети, слушая, как дождь стучит по кровле. Но когда она поднялась на небольшое крыльцо, мир вдруг качнулся, как палуба корабля в шторм. Перед глазами поплыли тёмные

пятна, земля будто ушла изпод ног, и она почувствовала, как слабеют колени. — ЛиаЭра! — крик Фреймора долетел до неё, словно сквозь толщу воды. Он успел подхватить её, не дав упасть на грубые доски. Его руки были сильными, но держали её так бережно, будто она была из стекла. — Не шевелись, — прошептал он, опуская её на скамью, которую только вчера сколотили для сторожа. — Я здесь. Я рядом. Ктото уже бежал за лекарем, ктото принёс воды, ктото накинул на плечи ЛиаЭры тёплый плащ. А она лежала, прикрыв глаза, и чувствовала, как мир постепенно перестаёт кружиться, уступая место спокойному, ровному голосу Фреймора: — Дыши. Просто дыши. Я держу тебя. Лекарь пришёл быстро — седой, неторопливый, с мешочками трав и спокойным взглядом человека, который видел и худшее, и лучшее. Он проверил пульс, посмотрел зрачки, послушал дыхание, а потом улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда знают, что беда прошла стороной. — Королева здорова, — сказал он, и в этих словах было столько облегчения, что даже птицы на деревьях будто притихли, прислушиваясь. — Сердце бьётся ровно. Дыхание чистое. Просто тело сказала: «Хватит». Слишком много дорог, слишком много дел, слишком много ночей, когда она не позволяла себе просто отдохнуть. Фреймор сжал кулаки, будто хотел удержать в них всю свою тревогу, а потом медленно разжал их. — Значит, она поправится? Лекарь кивнул: — Поправится. Но ей нужно не лекарство, а покой. И не тот покой, когда ты сидишь в комнате и смотришь в окно, а тот, когда ты знаешь: мир не рухнет, если ты сегодня не пойдёшь проверять крышу и не будешь считать, сколько досок осталось на складе. ЛиаЭра приоткрыла глаза и слабо улыбнулась: — Я не хотела никого пугать. Фреймор наклонился к ней, и в его глазах стояли слёзы, которые он не давал себе пролить: — Ты можешь пугать меня хоть каждый день, если после этого ты будешь просто лежать и дышать. Потому что без тебя этот мир снова станет тёмным. Она потянулась и коснулась его щеки: — Прости. Я просто хотела увидеть, как достроят крышу. Хотела представить, как дети будут сидеть там и учиться. Фреймор взял её руку и прижал к своей груди, туда, где билось его сердце — быстро, отчаянно, но ровно. — Они будут сидеть. И будут учиться. И ты увидишь. Но не сегодня. Сегодня ты просто будешь отдыхать. И тут лекарь чуть наклонил голову, посмотрел на них обоих, а потом тихо, будто боялся спугнуть момент, добавил: — И знаете... есть ещё одна причина, почему тело просит покоя. Хорошая причина. Королева ждёт ребёнка. На мгновение всё вокруг замерло: ветер перестал шелестеть в траве, птицы замолчали, даже доски старой скамьи будто перестали скрипеть. А потом мир взорвался тихим, почти беззвучным счастьем. Фреймор медленно опустился на колени рядом с ЛиаЭрой, не сводя с неё глаз, будто боялся, что если моргнёт, то чудо исчезнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.